

АРТУР РУНИН

УТОПЧЕННЫЙ

Создатель
фильмов
«П.Н.Б.»

18+

Annotation

Они богатые, они преуспели в жизни. Они друзья – но они не помнят этого. Они были на одной войне – но они не помнят этого. Они предали друг друга – но они не помнят. Каждая их женщина убила собственного ребёнка – но они не знают этого. С ними творятся необъяснимые вещи, присущие тьме. Их свели вместе, ведь они являют собой начало гибели всего человечества. Содержит нецензурную брань.

Артур Рунин
Утопленный

– ...Диольюм. – Олег Стрелков положил трубку на рычажки. Тяжело вздохнул, некоторое время не сводил глаз со старенького белого телефона. В прихожей он стоит «на страже» более тридцати лет. Ещё с детства. На пожелтевшем диске – герб Советского Союза: убитой Великой Страны, где всего лишь два имени – Ленин и Гагарин уже её ставили на небесный пьедестал над всем миром.

Правильно ли сделал, что назвал имя Диольюма? Что он сам от этого имеет? Хотел себя обезопасить? Смешно. Его взяли. Он сегодня уходит навсегда. Глубоко. Под землю. В громадную разрастающуюся подземную сеть лабораторий, где самые секретные и глубокие тоннели. И именно к Диольюму. Так что же он сейчас натворил? И главное – зачем?

В прихожей затрещало, что-то стрельнуло, так тихо и тонко, будто порвалась струна комариной домбры, если такую можно себе представить. Олег повернулся к двери туалета. С правой стороны трельяжа на стене висела его домбра, подаренная ему Азаматом в честь друга, сгоревшего в бронетранспортёре на войне, в которой они почти два года выкуривали один косяк на троих перед едой и угорали со смеху над разными несуществующими байками. Олег покачал головой, уныло слабо улыбнулся.

Снова прострел – ещё тоньше, но резче, словно разряд микроскопической молнии. По шершавым обоям длинно провели невидимой ладонью и что-то шмякнулось на пол. Напоминало хлопок разорвавшегося шарика с водой. Олег Стрелков окинул взглядом плохо освещённый коридорчик. Ничего и никого.

– Тишина притаилась перед всемирным взрывом, – прошептал Олег. Он собирался пойти на кухню и поужинать, потянул пальцы к выключателю и, вскрикнув, отскочил в сторону, ударился плечом об угол стены, опрокинул табурет и упал на спину. С потолка ему на лицо просыпалась сотня сухих зелёных жирных мух. Он не верил глазам: мухи сыпались из-под потолка из ниоткуда. Появлялись из воздуха. Олег почувствовал, как длинная струя холодного пота поползла по спине. Он сильно зажмурил глаза, а когда открыл – завихрения ветра пронесли кучу мух по коричневому блеску пола и растворили в пространстве перед самым лицом.

– О нет, – произнёс он одними губами, часто моргая. – Это действительно сейчас было? – И сейчас Олег Стрелков уже жалел, что позвонил и сообщил имя. Предал. Имя – имя чьё? Кто он – Диольюм? Будет богом для них? Них – это тех, кто с ним. Но не для всех остальных. Для всего мира, для всего остального человечества, кроме нескольких сотен, а то и десятков тысяч «избранных», он, скорее всего, станет хуже сатаны. Хуже дьявола. Хуже Люцифера. Хотя... одно и то же рыло.

Олег не хотел воспринимать только что с ним случившееся. Сейчас он обманывал себя – это худшее, что делает человек в своей жизни. Он списал видение на обычную галлюцинацию от усталости, или остаточное явление после принятия ЛСД, которое принимал чрезвычайно редко как подскок для постижения новых знаний. И очень следил, чтобы не перекрыть канал связи подсознания – души с духом. Хотя понимал, что это бред, никаких психоактивных веществ в крови давно не осталось, но лучше пусть будет так.

За свою жизнь Олег не выпил ни капли алкоголя и не выкурил ни одной сигареты, конечно, не считая нескольких косячков с травкой. Но сейчас он пристально посмотрел на бар в гостиной, предназначенный для гостей, и ему захотелось выпить. С какой-то

необъяснимой надеждой он повёл глазами по портретам – портреты людей тем или иным образом повлиявшие на ход его жизни. Первым взирал со стены серб – Никола Тесла. За ним шли – Альберт Хофман, Менделеев, Ломоносов, Умберто Эко... Замыкал ряд из двадцати двух портретов – Ленин. Изначально Олег хотел поставить Ленина первым. Это его слова ещё в школе втемяшились намертво в мозг: учиться, учиться и ещё раз учиться. После каких Олег Стрелков шёл по жизни с фразой: «Только бесконечное движение ввысь!» Но Ленин из-за переворота семнадцатого года был причиной гибели его прадедов как по отцовской, так и по материнской линии.

На самом деле великих людей, повлиявших на сотворение собственного мира Олега, познания и понимания, было немного больше, но именно двадцать два портрета вывешены неслучайно. 22 июня, когда Германия напала на Советский Союз, 22 «барана» гоняют один мяч по широченному полю, 22 иерофанта, 22...

22 – очень значимое число в Каббале.

И вновь Олегу показалось – тень спрыгнула с дальнего окна кухни, вытянулась к нему по доскам пола и застыла.

– Ну её, – шёпотом произнёс Олег, мотнул головой, сбрасывая наваждение. Но, если Диол узнает, что он сделал... Не хотелось даже представлять, какие изощрённые изобретения испробует на нём Диольюм. Они, в своём городе-лаборатории дошли до таких вещей, таких познаний и пониманий, таких опытов, что ужас неволей заливал твой разум. Что если эти знания попадут в руки – зверя. Но кто есть сам – Диольюм?

Олег сбросил марево воспоминаний, поднялся на ноги и подошёл к письменному столу, такому же древнему, как и пожелтевший телефон в прихожей. За этим столом он десять лет то успешно, то безуспешно рисовал карикатуры и чёртиков, изучал премудрости школьной программы, а иногда писал диктант под грозный голос отца и посматривал исподтишка на чёрно-белые фотокарточки голых женщин под тетрадкой: вот если бы батя заметил его порнушку – бедный Олежа летал бы по квартире как бешеная блоха под стеклянным колпаком на раскалённой сковородке.

Олег выдвинул верхний ящик – и замер. Катька плюс Олег равно дураки – начертано корявым почерком шариковой ручкой на обрывке блокнотного листа, расположившегося поверх разных проводов для компьютера. Холодок пробежал по спине от затылка к ногам.

«Чёрт. Это откуда взялось?». Он вспомнил эту записку! Олег, естественно, он сам. Катюшка – его первая любовь. Эту записку в пятом классе написал и передал им на уроке литературы его друг – Виталик, сохнувший по Кате. Тогда это был целый лист. Под словами Виталик изобразил их трахающимися в позе «по-собачьи». Олегу было смешно. Он лишь с улыбкой до ушей повернулся к другу и показал кулак. Что не сказать было про Катю. Она поджала губы, оторвала нижнюю часть листка, встала из-за парты, подошла к Виталу, лизнула лист и, шлёпнув, прилепила к его лбу. Весь класс смеялся. Виталик не обиделся, смеялся вместе со всеми. Ещё показал им жест: соединил кольцом большой и указательный пальцы левой кисти, щёлкнул по ним указательным пальцем правой руки.

Олег не помнил, чтобы этот клочок листа положил себе в пакет. Этот «шедевр» Витала давно должен сгинуть в утробе канализации или истлеть на городской свалке.

Олег нахмурил брови.

– Не-е-ет. – Он вспомнил. Сегодня ночью ему приснился сон. Да, точно. Ему снился этот эпизод из его жизни и эта записка. Он что?.. Её из сна принёс, как Мэгги – Крюгера? Диол может контролировать сны?! Что если это он – Диольюм? Но почерк – почерк Виталика?!

Значит «шедевр» из минувших лет. Неужели Диол, наконец, сумел возвращаться? Диольюм всегда заветно мечтал стать «вором прошлого».

Олег задвинул ящик, присел на стул, замер с карандашом в руке. Глаза перенесли его взгляд на телефон.

Значит, Диольюм всё знает. Бежать! Не успеет! Ему нужно достать чип – микроскопический шарик, настолько маленький, что можно, наверное, разглядеть только под мощным микроскопом. А без посторонней профессиональной медицинской помощи из своего мозга он никак не извлечёт. Похоже, сейчас совершил вторую самую огромную ошибку в жизни. Первая – он продал свою душу Диольюму. Душу – эвфемизм. Но кратко лучше не охарактеризуешь. А мыслить не давала нарастающая головная боль, простреливающая в барабанные перепонки, казалось, раскалённые ножи медленно вводили в ушные раковины.

Его взгляд в панике метнулся к дверям и обратно на телефон. Мобильник, пронеслась мысль. Он никогда его не имел. Сейчас с помощью мобильного такое можно сотворить с твоими мозгами. Хотя... и без него уже могут. И кажется...

Тревога неукротимо нарастала вместе с головной болью.

Боль окутала голову металлическим прутом с вонзившимися в мозг иглами, и этот прут медленно неотвратно сдавливался.

В мозге будто что-то порвалось. Олегу даже казалось, что он услышал эти рвущиеся, лопающиеся звуки. Кровь всего тела прилила к голове. Олег вскочил со стула и подбежал к зеркалу в прихожей.

Лицо! Он хотел вскрикнуть, но не смог. На него смотрел буро-красный раздувшийся урод. Олег начал задыхаться. Кровь изо рта брызнула на зеркало. Кровь из ноздрей частыми каплями пятнала серого цвета коврик перед трельяжем. Кровь сочилась по всему телу: из кожи, из громадных синих пятен, из мелких кровеносных, вылезших наружу как паутина, сосудов.

Олега качнуло.

– Что же я наделал? – Потускневшим взглядом он смотрел, как его кровь молниями тянется вниз по зеркальной поверхности. Неестественно стекает, быстро и как-то игриво. Будто кто-то невидимый подгоняет струйки пальцем.

«Сейчас глаза выскочат и запрыгают, как взбесившиеся колобки», – скользнула мысль чёрной иронией. Вдруг вся кровь ударила в таз, в ноги и вновь хлынула к затылку. Глаза налились кровью, зрение почти пропало. Олег почувствовал, как в трусах стало мокро, мочевого пузырь опустошался. Он расстегнул ремень и ширинку брюк. Оттянул резинку трусов. Из уретры тонкой струйкой вытекала кровь.

Олег кашлянул.

Мелкие сгустки внутренних органов вылетели и прилипли к сиреневым обоям. Цвет сирени – любимый цвет мамы. И когда она покинула мир, он не стал ничего менять в квартире.

Кровь вновь ураганной волной пронеслась вниз тела, ноги набухли и, казалось, сейчас разорвутся от давления.

«Всё», – последняя мысль посетила Олега Стрелкова. Кровь всего тела вытекла на тёмно-коричневый паркет, красный ручеёк двинулся к входной двери, неощутимый ветер навстречу создал частую рябь. Глаза ослепли и, замерев, устремились в далёкую миллионвековую тьму, откуда мчались мириады теней, пожиравшие свет. Жуткий ужас

сковал дух.

Олег не был живой.

И не был – мёртвым.

1

– Детей убивать?

– Всех, – ответил грубый шёпот. – Дети врага – враги, которые ещё не возросли. И будут преисполнены мести.

Ладонь, шевеля пальцами, облачилась в чёрную кожаную перчатку, сжала ручку пистолета марки «ГТ»; щёлкнул затвор, взвёлся курок. Руки раздвинули ветви с тёмной листвой высокого мирта. Глаза сквозь прорези шерстяной маски внимательно осмотрели фасад кирпичного двухэтажного дома: в высоких окнах с тонкими декоративными переплётами царил сон и слюдянистый полумрак; низкое утреннее солнце над крышей слепило глаза; на высоком флагштоке болтался приспущенный какой-то старинный флаг; тросы уныло поскрипывали о металл, покачиваемые слабым ветром приносящимся из-за угла дома; одинокий детский мячик застыл на брусчатой площадке перед ступенями. За спиной худощавого человека готового зверски убивать валялась отравленная восточноевропейская овчарка. Утренняя роса пропитала замшу его кроссовок, чёрная штанина спортивного костюма задралась, оголила рукоятку ножа, прикрепленного кожаными ремешками чуть выше щиколотки.

Справа в метрах пяти с перерезанным горлом и согнутыми коленями лежал на спине сторож, на лбу задранной головы выделялось кровавое пятнышко от контрольного выстрела из пистолета с глушителем. Окровавленные седые волосы на затылке смешались с молодой травой на земле, бледно поблёскивали от росистых капель.

– Как думаешь, на этот раз нашли? – спросил второй широкоплечий бандит в чёрной маске, окутанный слабым серебристым туманом. Он одёрнул штанину над берцем, сбросив прилипшую листву, и махнул сжатым в кулаке револьвером системы Нагана в сторону дома. Указательный палец нервно постукивал по барабану.

– Зде-е-есь, – ответил Лазарь, тянув слово. Его руки отпустили ветви мирта. Лицо повернулось к «широкоплечему». – Точно, здесь. Спит и не подозревает, что смерть, голубушка, примчалась, нашла и на дольше не отпустит. Предупреждали... за слово положено отвечать. За не сдержавшее слово... Даже не постарался нормально укрыться. Самоуверенный. Или решил, что простится? Забудут? Перестанут искать?

Лазарь кинул взгляд на дом и отошёл к шестистолбовой ротонде: голубоватое свечение било в свод белого купола из мощного фонаря, расположенного на уровне мраморного пола; по потоку света, словно в стеклянной трубе поднимались игривые белые огоньки размером чуть больше пылинки. Тихо щёлкнуло на уровне живота и слабо прошипело. Лазарь замер, вскинув удивлённые брови, внимательно осмотрел себя. Глаза в первую очередь осмотрели две круглые гранаты, взрывающиеся от удара: обе предохранительные чеки на месте. Указательный палец подёргал колечки. Лазарь успокоился, но снова щёлкнуло и уже настойчивее прошипело.

– Это ещё что? – спросил он еле слышимым голосом, снял рацию с широкого брючного ремня, накинутого поверх футболки, и поднёс к глазам. Попробовал мягко покрутить пластиковую ручку: рифлёный чёрный цилиндр легко поддался. – Как это? – прошептал Лазарь. – Я же когда от куста отходил... проверил и довёл до щелчка. Чингиз запретил пользоваться... Я же отключил...

Лазарь застыл недоверчивым, непонимающим взглядом на крохотных амбразурах похожих на приоткрытые жалюзи, где виднелась сеточка, прикрывающая динамик.

– Ближе-е-е, – прошептали оттуда.

Челюсть Лазаря начала медленно оттягиваться; холодный липкий пот покрыл всё тело разом; трепет незримой рукой сковал сердце, останавливал; боль пронзила грудь, пульсировала в набухших венах на висках и готова вырваться вместе с кровью наружу. Лазарь тяжело сглотнул, ему казалось, что горячие испарения страха от его тела слились с белёсыми расплывчатыми облаками на небе. Он приблизил рацию к глазам и прошептал:

– Что?..

– Ещё ближе-е-е... – очень тихо ответили.

Лазарь поднёс рацию к самому уху.

– М-х, М-ха... Ха!.. Ха!.. Ха!.. – услышал он в своей голове медленный издевательский смех, настолько грубый, что создал у Лазаря ассоциации с тяжеленными, неподъёмными гириями, насквозь пробивающими душу и выбивающими глаза невероятным давлением. Смех заполнил весь разум, всю черепную коробку, каждую клеточку слуха изнутри.

Треск из динамика рации подобно взрыву разорвал предсмертную тишину этого островка таинственной природы, по периметру обрамляющей высокий красивый дом: кипарисами, миртами, высокими бледно-зелёными гортензиями и кроваво-алыми розами.

– Ты что творишь, Лазарь? – яростно прошипел Чингиз.

– Оно само, – испуганными глазами бегал Лазарь. – Отвечаю... оно само... Само. Оно само. – Его нижняя отпяленная губа в прорези маски неудержимо дрожала.

– Что с тобой? – спросил Чингиз.

– Ничего. Показалось... Я беру себя в руки. Уже всё нормально... Нормально. – Лазарь несколько раз глубоко вздохнул, на выдохе издавал лишь ему понятные звуки и действительно очень быстро успокоился. – Я в норме, Чингиз. – Но крепкие пальцы вкрутили ручку рации до отказа и зажали так, чтобы оттуда больше ничего не вырвалось, не вылетело, не разорвало изнутри, не показало жуткую неизвестность тьмы, которую на доли секунды узрели глаза и оставили страшным воспоминанием в голове до тех пор, пока бьётся сердце в этом теле.

От дома со стороны центральной двери донёсся слабый свист, еле уловимый, сразу перебитый порывом ветра в ушах.

– Расписной взломал дверь. Всё, мужи́, пошли.

Четыре фигуры, пригибаясь и укрываясь за стволами невысоких канадских елей и густыми кустами роз, подбежали к приоткрытой металлической двери и втиснулись в серую темноту. За ними вошли ещё двое. Перекушенная гидравлическим ключом дверная цепочка качнулась задетая плечом. Грозно щёлкнули затворные рамы пистолетов.

Ещё шестеро бандитов в шерстяных масках на головах рассредоточились вокруг дома. Невысокая невзрачная фигура в кожаной потёртой куртке гуськом подлезла к каменным ступеням, осмотрелась и проткнула ножом все колёса чёрного пыльного BMW, припаркованного впритык к фасаду в метре от двери.

– Сибиряк, первый этаж прошерсти. Мочи всех, не раздумывая. Валет, – шептал голос, – со мной наверх. Ствол наготове. Вали, не мешкая. Этот, паскуда ушлый, стрелять научен. И воевал, и ментом... успел опоганиться.

– Чингиз. – Валет приподнял на уровень глаз обрез. – Микроб не пролетит, отвечаю.

– Ага. Главное, чтобы пулька семь шестьдесят две незамеченная сквозь твой мозг в окно, как пташка не упорхнула.

– Это да, – задумчиво ответил Лазарь, ступил на лестницу; под персидской ковровой дорожкой скрипнули деревянные ступени. Полированный поручень пошатнулся от жёсткой хватки пальцев в кожаной перчатке.

– Желательно побыстрее Акулу завалить, – сказал Чингиз тихим голосом. – Свидетелей можно порезать, чтобы патроны не тратить. И тихо будет.

Под шуршание осторожных шагов обрезанные воронье стволы ружья прикоснулись к белой двери. Валет прижал ухо, слух старался уловить нежелательные движения. Он повернулся и качнул головой, тёмные глаза в оправе шерстяной маски с прорезью ждали сигнала.

Чингиз, горбясь, заглянул за угол и показал пальцами, что там ещё три двери. Неожиданно в конце коридорчика дверь приоткрылась, брови Чингиза взметнулись, кулак с «Макаровым» лёг в ладонь, большой палец опустил предохранитель, указательный – повёл спусковой крючок. Заказанное на убийство лицо Акулы, как рассеявшее марево преобразилось в широкоплечую фигуру Сибиряка: казалось, челюсть размером как бетонная плита царапала декоративные щиты на стенах; мощный подбородок, как бороной пропахивал пол; а горы мышц, как домкратом вот-вот начнут раздвигать периметр коридора.

Чингиз нервно выдохнул, чувствуя, как пот заструился по спине: едва своего не завалил.

Сибиряк – самодовольную ухмылку под маской никто не видел – кивнул, поднял большой палец левого кулака. Ствол револьвера очертил в воздухе знак бесконечности. Громила тихо открыл дверь с левой стороны и заглянул: по центру квадратной комнаты располагался огромный стол, стены увешаны интересными драматическими картинами в мощных резных дубовых рамах, в дальних углах – высокие вазы с густыми красивыми икебанами. Взгляд Сибиряка напоролся на грозное блестящее от полировки лицо то ли демона, то ли дьявола, на витых толстых рогах – диск часов с полуметровыми стрелками, могучий торс увит крепкими мышцами, из-под груди грузно качался маятник на конце с шишкой размером баскетбольного мяча. Где-то он такое видел. Сибиряк попробовал вспомнить это дежавю. Нет. Никак. Но он точно видел, ведь слова Чингиза плотно засели в памяти, что все эти шишки в богатых старинных домах означают тайные знания, поступающие через шишку в мозг – эпифиз. Возможно, Сибиряк это и не запомнил, если бы Чингиз не добавил, что любое количество спиртного, даже тридцать грамм в день, напрочь отсекает от этих знаний и пониманий. Сам Сибиряк крайне редко употреблял винцо. Для него тягать в спортзале металл – почти весь смысл жизни. Но и это бы Сибиряк мог пропустить мимо ушей, так как понимал, что только последний глупец не разумеет степень разрушения алкоголем. Но когда Чингиз поведал, что также наносит вред и картофель и объяснил почему, Сибиряк намертво занёс эту информацию в архив своих знаний. Правда, он почти никогда не употреблял картошку, сахар, хлеб и всё, что содержало кофеин, и поэтому эта информация его особо не волновала, зато тоннами поглощал мясо и рыбу.

За всю свою жизнь Сибиряк не болел – ни разу. Он очень ревностно следил за своим здоровьем и телом, которое являлось храмом его души на этой земле. Сибиряк не знал, сколько ему лет и откуда он – никто не знал – и это его волновало. А ещё его очень заботило, откуда у него взялось сквозное затянувшееся отверстие над сердцем размером как мелкокалиберный снаряд. И ещё больше будоражило, когда, любясь в зеркало своим мощным как у минотавра торсом, он иногда видел исходящее от него бледное еле уловимое – блистание.

– Что, чертила? – усмехнулся громила Сибиряк. – Типа боец без правил, но баба рога, бедолаге, наставила? А теперь хозяева морят? – Он взглянул на своих и качнул головой, показывая, что никого нет. Неожиданно по нервным окончаниям шеи в затылок произошёл прострел, в глазах помутнело; вся реальность исказилась, искривилась, в голове промчалась ускоренная запись полчищ идиотских злорадных смешков и ругательств каких-то карликов. Сибиряк несколько раз тряхнул головой, часто моргая, скинул наведённый морок. Тёмные кружки в глазах медленно отступили, растворились. Он озадаченно погладил пальцами подбородок и покосился вдумчивыми глазами на рогатую фигуру.

– Словно защита, – прошептал он.

Чингиз жестами указал Сибиряку, чтобы оставался на месте и контролировал обе двери, повернулся к ожидавшему Валету. «Отморозок. Готов за гроши с жизнью распрощаться. И не только своей. Чужую – ставит ниже комара». Тем не менее Чингиз сам выбирал Валета на кровавые задания: этот невысокий человек с юношеским лицом и жилистым телом чрезвычайно преданный и бесстрашный. И Чингиз уже должен ему одну жизнь за спасённую.

2

Меньше часа до этого.

Прохор Бакулин издал последний слабый храп, кашлянул и широко открыл глаза. Сердце так сильно колотилось о стенки груди, что он подумал: «Оно не имеет права так бешено скакать, должно жалеть своего хозяина, а не пробивать грудные рёбра». Какое-то напряжение витало в комнате, такое густое, что его микроскопические частички мешали дышать. «Что так сильно меня взбудоражило?» – произнёс в мыслях Прохор и посмотрел на сынишку, пришедшего ночью после приснившегося кошмара. Мальчик мирно сопел, счастливо задрал нос над одеялом; глаза бегали под веками, ресницы вздрагивали, и можно было подумать, что ребёнок притворяется спящим. Прохор улыбнулся и ногтем мизинца слегка пощекотал сыну ободок ноздри.

– Демидка, спишь? – прошептал он.

Мальчик смешно повёл носом, собрал недовольные морщины на лбу, фыркнул и, повернувшись на правый бок, показал отцу затылок. Прохор погладил ладонью пшеничные волосы сына, сел на край кровати. Осмотрел спальню. Бархатный свет от ночника на письменном столе умиротворённо разливался по комнате: Демид, когда пришёл, полусонно потирая глаза, просил не выключать. Полоски утреннего света пробивались сквозь неплотно закрытые жалюзи. Непонятно как попавший мотылёк внутрь настенных часов слабо бился крылышками о стекло. Где-то далеко-далеко выстрелили. Прохор напрягся, сердце сильнее помчалось в бега, рискуя загнать молодого хозяина в инфарктное состояние. Непроизвольно ладонь потянулась под кровать, нащупала ручку пистолета в самодельной кобуре, прикреплённой винтами к дощатому дну.

– Да что меня так напрягает? – тихо спросил Прохор. – Ведь всё шло ровно. Почти, ровно. – Он поднялся на ноги, оставив пистолет на своём месте, натянул фланелевые спортивные штаны и вслушался в тишину. Казалось, недвижимое спокойствие окутывало мир этого дома, рабский труд и суета наслаждались отдыхом в здешних залах и спальнях. Но это только казалось.

Захотелось пить.

Прохор подошёл к двери мини-холодильника в левом углу комнаты, где сооружено подобие небольшого бара, чтобы каждый раз не спускаться на кухню, достал бутылку

«Перье». Со стеклянной навесной полки взял длинный узкий бокал.

«Показалось или нет?.. Проскулила псина». Прохор повернул ухо в сторону окон, глаза скользнули по двери; мысль споткнулась, решая, куда подойти сначала – к жалюзи и взглянуть на двор или к двери. Возле письменного стола на круглой тумбе в «золотой» клетке под плотным льном свистнул ара. После короткой паузы попугай недовольно хрипло проворчал и ещё раз свистнул.

Прохор усмехнулся, решил, что птица хочет пить, плеснул газировку в стакан. Подошёл к клетке и поднял материю. Ара задрал «нос» занимающий полклетки и уставился глазами, как хозяин земли на человека, загнанного в свой маленький солнечный мирок.

– Карабу, тебе, может, ещё сигару в зубы, золотые фиксы и проститутку на ночь с оркестром от Шопена? Ах, да, ещё сейчас кондом принесу, чтобы твоя пассия не подала на алименты и не оттяпала у тебя полхаты.

Попугай часто размашисто закивал, громко попадая клювом по прутьям клетки.

– Тише ты, хулиган. Демида разбудишь. Он тебе перья-то повывёргивает. Воткнёт в макушку и сотворит из тебя Чингачгука. Будешь не Карабу, а Гойко Митич. На-ка, водички хлебни. – Прохор открыл дверцу и наклонил бокал с газированной водой.

Где-то глубоко, наверное, под землёй лязгнул металл. Или ближе? Прохор оставил стакан в клетке, прикрыл дверку и подошёл к двери комнаты. Он внимательно осмотрел свою тень на белом древесном полотне, будто готовился к гибели, глубоко вздохнул: он никогда, никогда не чувствовал такой тяжести в душе; тёмный страх окутал его сердце и чернильная грязь медленно поползла по его судьбе. Прохор содрогнулся от непонятного чувства и туманного наваждения, замешкался. Ладонь потянулась к серебристой продолговатой ручке. И всё-таки теперь он уверен, знал, что подкралась гибель; его мысль помчалась в необъяснимое далёкое будущее, старалась найти там провидение, чтобы исправить ошибку сейчас. Но как было прежде, сейчас не получилось – и даже логика и интуиция в данный момент словно отключились.

За спиной на шумном выдохе прошелестело бормотание: «...хренавамдомашнего».

Прохор уловил слова сына и тихо хохотнул. Он повернулся, нечаянно задел ладонью тонкий никелевый шпингалет, который легко вошёл на пару миллиметров в ушко ответа. Медленными шагами Прохор приблизился к маленькому Демиду, стараясь поймать новые ругательства светловолосого сорванца. Он наклонился над сопящей пшеничной головой и прошептал:

– Ну-ка, поведай своему бате новых словец.

В ответ лишь слышны последние слабые удары крылышек мотылька за стеклом часов. И даже гордый ара прикрыл сонные глаза.

Неожиданно Демид слабо вскрикнул, приоткрыл глаза, увидел блещущее радостью лицо отца, рассматривающее его в упор. Он недоумённо поморгал:

– Пап, давай поспим. Выключи, пожалуйста, свет.

– Спи, мой сынок.

Прохор ещё раз прислушался к тишине и покою, погасил ночник и лёг в остывшую постель – досматривать последние в своей жизни спокойные сновидения. Быстро заснул крепким утренним сном.

3

Чингиз повернул позолоченную круглую ручку и кивнул в сторону. Словно мастера синхронности бандиты ворвались в спальни. Женский крик!.. Его заглушил громоподобный

выстрел из обреза. Девичьи пронзительные визги и мольбы прервались выстрелами пистолета «ТТ» в голову.

– Папа, что это! – закричал Демид и вскочил с кровати.

Прохор сжал ладонью рот сына, рвавшего на крики матери и сестёр. Глаза метались по комнате. Спросонок и в невероятном напряжении туго соображалось. Взгляд упал на шкаф-сейф. В глубине дома вновь прогрехотали выстрелы. По творившемуся за дверью Прохор определил, что родненьким малышам и жене не помочь. Броситься в перестрелку – значит погубить сына. И себя.

Демид вырывался, сучил ногами.

Промедление – смерть. Вот-вот вышибут дверь и ворвутся. Глаза метнулись к замку. Закрыт, не закрыт? Некогда одеваться. За дверью – шорох. Возле запасного хода наверняка засада, двери на прицеле.

В каждой спальне дома в шкафу есть узкий потайной ход, нажатием кнопки из подвала перекрывается семисантиметровой армированной плитой. Нужно выиграть время, вырвать жизнь и уйти. Как-то неправильно всё спланировал. Не смогли родные воспользоваться. А где сторож и пёс? Убиты?

Демид перестал вырываться. Горячие слёзы прикоснулись к пальцам отца. Раскидывая костюмы, брюки, рубахи, не выпуская сына, Прохор пролез к дальней стене шкафа, углублённой на метр в бетонную нишу. Дверь в комнату распахнулась, выбитый шпингалет отлетел к отопительным батареям под окном. С грохотом ворвались бандиты. Бедный попугай навеки похоронил последний недовольный крик под выстрелом пистолета. Пёрышко выбилось из клетки, подлетело и плавно опустилось на край письменного стола возле матового экрана монитора.

– Там!.. В шкафу!..

Казалось, армия стволов, выстрелов и пуль грохнули разом, пробивали дубовый шкаф, рикошетили, нещадно били по слуху; дневные лучики из многочисленных дыр внедрялись в темноту, светлыми шомполами пронзали узкое пространство. Осколки кирпичей и щепки отлетали, ударяли по дереву, стёклам окон, в потолок. Ужас за жизнь сына застыл в глазах Прохора, пальцы, прижимающие маленького Демиду к груди, дрожали. Он дёрнул ручку люка: металлическая крышка в ширину шкафа нехотя подалась. Прохор крепче прижал сына, который громко плакал и трясся всем телом.

– Маленький мой, малыш. – Крепкая рука Прохора обхватила спусковой столб, босые ступни заскользили вниз. В то место, где мгновением раньше скрылась голова Прохора, вонзилась пуля.

– Быстрее, быстрее! – орал Чингиз. – Туда! Стреляй! Куда ход ведёт?! Куда? Сибиряк, на улицу! Все прочёсывают местность! Ход далеко не должен вести!

Громила Сибиряк ударился бицепсом о дверной косяк, громыхая, помчался по лестнице. Звук сдвигающейся бетонной плиты глухо отдавался по стенам.

– Что там? – Чингиз на коленях заглянул в шкаф.

– Закрыв плитой, – ответил Валет из темноты, сдёрнул с плечика, мешавшую взгляду, рубаху. – Голыми руками не пробить.

– Ушёл?! – Чингиз пнул тяжёлую напольную вазу. – Уходим, Валет.

– Что, если вернётся? Засаду...

– Уходим! Не вернётся! Не вернётся, – сквозь зубы прорычал Чингиз, впечатал кулак в дверцу шкафа. Взгляд метнулся на семейную фотографию в рамке над двуспальной кроватью,

что-то заставило задержаться, невольная мысль спросила: «А так ли всё – кажется?»

Валет отряхнул колени, поднялся на ноги, ухватил оставшиеся вешалки с одеждой и, бранясь, швырнул на пол.

– Жена спала не с мужем. В другой комнате. Не одна? – Суровые глаза Чингиза больше минуты изучали глаза «отморозка». – Ну-ка, Валет, пошли, посмотрим. Побудем немного детективами.

Дверь в спальню первая от лестницы держалась на верхней петле, низ занесён к стене на кресло, треснутые наличники отошли вместе с переломленной дверной коробкой, казалось, вся конструкция сейчас рухнет. Создавалось ощущение, что тот, кто сюда вламывался, долго всё отдирает топором и гвоздодёром. Изогнутые вырванные шурупы разбросаны возле порога на светлом ковровом покрытии, дверная ручка вместе с куском дверного полотна на ковре уткнулась в заднюю спинку двуспальной кровати.

Валет первым вошёл в комнату, быстро прошёл к окну и вырвал жалюзи. Дневной свет вломился, отразился во всём стекле просторной спальни, не оставил шанса ни одному тёмному уголку. Уже успевший немного застояться тяжёлый запах мёртвого человеческого тела с примесью металлических опилок или стружек неприятно ударил по обонянию, подпуская и слабый запах мочи вперемежку с женскими духами.

Чингиз взглянул на шкаф, такой же в котором укрылся Прохор с сыном. Единственная дубовая дверь открыта, рядом на полу собрана в кучу женская одежда. Чингиз перевёл задумчивые глаза на двуспальную кровать и вернул взгляд на разноцветные тряпки.

– А там? – спросил он. – Одежда вся здесь?

– Да, – кивнул Лазарь.

– Угу, – произнёс Чингиз, хмурым взглядом провёл по комнате. – А мужской одежды здесь нет. – Он пнул лифчик. – А что с люком?

– Да не успели. – Лазарь потёр кончиками пальцев затылок. – Он всё перекрыл. Создалось ощущение, что он ждал нас.

– Интересно получается, – возразил Чингиз. – Он знал и ждал, когда выпотрошат внутренности жене и дочерям? А потом ещё раздумывал, спастись самому с сыном или нет?

– Но, Чингиз, в считанную минуту мы всё здесь прошерстили. Люк был закрыт. Это я тебе отвечаю, да ещё с гарантией.

– Но мы не успели ещё к нему ворваться за эту минуту. И он не сразу спрыгнул в потайной ход. Немного промешкал. И кстати, Лазарь, если бы Акула нас ждал, мы были уже давно все мертвы.

Чингиз посмотрел на довольно-таки большое кровавое пятно на потолке над кроватью и обернулся на вышибленную дверь, в который раз удивился. Вот если бы дверь выбивали специально, демонстрируя каким-нибудь ученикам, то наверняка максимум, что случилось – немного треснула дверная коробка да выскочил один шурупчик или вообще остался наполовину вытащенный, изогнутый, но в дереве. Или если бы напоказ убивали: ну да, немного крови на обоях, на кровати. Но когда вот так врывается, а потом осматриваешься, ощущение, что демоны верхом на буйволах и носорогах здесь промчались, рубая острыми шашками налево и направо. Чингиз весело усмехнулся. Вот как, например, такое пятнище крови оказалось на потолке? А стена – словно злобный маньяк размашисто работал художественными кровавыми кистями.

– Да, – сказал Чингиз тихим голосом. – Это называется – взгляд бога. А под взглядом бога никто не желает чудить.

Чингиз подошёл к спинке кровати, у мягкого изголовья аккуратно лежали две подушки, сверху лежала пачка «Честерфилда» и на ней одноразовая пластмассовая чёрная зажигалка. Чингиз перевёл взгляд на высокий узкий подоконник. Там блестела на дневном свете массивная квадратная пепельница, через стеклянные стенки видны несколько недокуренных сигарет.

Чингиз поискал глазами очиститель воздуха или кондиционер, ничего похожего не увидел и подумал, что женщина курила, а комната совсем не прокурена. Он вытянул шею, чтобы получше рассмотреть женское тело. Широко раскинутые ноги лежали поперёк кровати, смыкающиеся в промежности крупными половыми губами слегка раздвинутыми. Тело распласталось спиной на полу, руки над головой согнулись в локтях, красный шёлковый халатик раскинулся как кровавые крылья убитого ангела, грудная клетка пробита выстрелом из обрезка. Яркая губная помада на лице выделяла приоткрытые пухлые губы, испачкав белоснежные ровные зубы.

Чингиз несколько минут хмуро рассматривал половые органы женщины, покручивая на своём пальце золотой перстень. Наконец он ухмыльнулся, посмотрел по очереди на Валета, Лазаря, Сибиряка, успевшего сказать всем своим внизу, чтобы даже микроба не упустили, и вошедшего минутой назад Ворона с двумя пистолетами в руках.

– У этой женщины буквально вот-вот был секс с мужчиной, – сообщил Чингиз. – Мы кого-то упустили. И этот кто-то о нас знает.

– Мы же в масках, – развёл руки Валет.

– Нет. Он ушёл до того, как вошли в дом, но прямо перед нами. – Чингиз поднял указательный палец, показывая жестом, чтобы пока молчали и приблизился к подоконнику. Он поводит указательным пальцем в пепельнице и покачал головой. – На сигаретах нет помады, и если женщина просто спала, то зачем ей покрашенные губы. – Он взял пачку «Честерфилда» и зажигалку и прикурил: запах анаши мгновенно наполнил комнату, приглушая неприятные застоявшиеся запахи смерти. Чингиз растрепал все до единой сигареты. Везде трава, смешанная с табаком. – Этот некто так спешил, что забыл свой наркотик.

– Так получается, он даже не сказал ей о нас? – спросил Лазарь.

– Да, но тогда получается, что жена прямо при муже приводит мужика, – ещё сильнее развёл руки Валет в недоумении. – У них, наверное, шведская семейка.

– Нет, – покачал головой Чингиз. – Этот неизвестный приходил через потайной ход. Он знает, как войти и выйти. Значит, он очень хорошо знает Акулу. А Акула его, возможно... нет. – Чингиз рассмотрел напоследок комнату, стараясь уловить что-то упущенное. – Всё. Теперь уходим. – Он повернулся к Ворону. – Контрольные всем всучили?

– Да. Всем девять мэмэ ровненько между глаз положил.

Шесть бандитов в масках быстро пересекли начало коридора и ступили на лестницу. Ворон и Кóсарь, почти одной средней комплекции, первыми сбежали на первый этаж в холл, встали перед входной дверью. Сибиряк, как телохранитель Чингиза и правая рука, пропустил всех вперёд. Перед ступенями он замешкался, положил одну ладонь на поручень, другой упёрся в стену, словно собираясь кого-то боднуть, наклонил лоб, из-под бровей осматривая лестницу: резные балясины, на столбе перед площадкой – золочёная шишка, покрытая патиной, ковровая дорожка с преобладанием красного цвета сбегала по ступеням, зеркало в мощной бронзовой раме. Но это его вовсе не волновало, он очень внимательно вслушивался, что происходило за его затылком.

Чингиз сразу заметил, что масса Сибиряка не колыхает за ним воздух и обернулся. Дёрнул вверх подбородком, задав беззвучный вопрос: что случилось?

– Да какой-то шёпот.

– Какой шёпот? – спросил Чингиз.

– Не знаю. – Сибиряк сжал кулак и большим пальцем показал себе за спину. – Оттуда кто-то шепчет.

– Уверен?

– Да. – Сибиряк поджал нижнюю губу, выдвинув подбородок и кивая. – Этот шёпот меня уже достал. Он всё громче и настойчивее. И мне кажется... это та мёртвая баба... с простреленной грудью.

Чингиз тяжело вздохнул:

– Да, с Акулой всё может быть. Пошли. – Он махнул головой в сторону. – Пойдём, Сибиряк. Нам нужно срочно уходить. – Чингиз кинул быстрый взгляд на ближнюю стену, где в тонких чёрных рамочках висело шесть портретов и собирался уже быстро спуститься, но застыл и воззрился на лица, словно его застолбили к лестнице. Он точно помнил, когда они сюда поднимались, на портретах были дети. А теперь со стены на него взирало шесть лиц испуганных мужчин, их глаза искажены и, Чингиз был уверен, слепли. Слепли прямо у него на глазах. Даже секунду назад это были другие люди и с каждым морганием они менялись и неумолимо искажались, и преображались в... Чингиз с ужасом понял, что на стене – шесть портретов с ними.

– Чингиз, всё хотел спросить. – Валет вывернул шею, чтобы посмотреть на предводителя. – Откуда ты знаешь Акулу?

Чингиз еле вышел из задумчивого оцепенения и тихо произнёс:

– Не помню.

– Странно, – Валет уставился глазами на зеркало, возвышающееся над ним как безликий великан, – как ни спросишь, ты ничего не помнишь. А Сибиряк, так вообще, даже не знает, откуда взялся... Ээ-п!.. Ээ-п!..

Все разом посмотрели на Валета.

– Ээ-п, ээ-п, – пытался вздохнуть он, резко сорвал маску с головы, вытянул указательный палец на зеркало. Его дыхание остановилось, лицо побагровело так, казалось, кровь сейчас начнёт сочиться через поры.

– Что с ним?! – крикнул Лазарь, тряся Валета за плечо и заглядывая в надувшееся лицо. За спиной раздался хруст толчёного стекла. Лазарь обернулся: стеклянная молния разрешила зеркало по центру сверху донизу, грязная вода просочилась в узкую искривлённую щель и поползла, растекаясь по полу тёмной лужей. Стёклышко вонзилось в глаз Лазаря...

Валет упал спиной на лестницу, лихорадочно затрясся, обрез выпал из его руки, быстро заскользил по ступеням и воткнулся в стену под бронзовой рамой зеркала.

Лазарю казалось, что стёклышко проникло в сердце и начало его остеклять «ежовыми осколками». Он заорал, быстро расстегнул молнию на ветровке, разорвал футболу и начал срывать с себя кожу. На искажённых портретах – глаза всех лиц покрылись мутно-голубой поволокой. Сибиряк упал на колени, сильно зажмурил глаза и прижав ладони к ушам, старался заглушить невыносимый громкий ведьмин шёпот, который немилосердно старался разорвать барабанные перепонки. Чингиз застыл: весь мир кружился на дьявольской карусели, погоняемый истеричными мерзкими хохотами.

Лазарь почувствовал, что внутреннее разрастание в груди завершилось. Он облегчённо

выдохнул, перестал себя истязать сломанными ногтями и устало сел на корточки. Весь мир вокруг бандитов одновременно нормализовался. Валет сумел свободно вздохнуть.

– Я больше не хочу здесь находиться, – наконец выдавил он, от напряжения разбрызгав всю слюну, собравшуюся во рту вместе с пеной. – Давай побыстрее отсюда ноги уберём.

Лазарь, Валет, Чингиз и Сибиряк поспешили сбежать с лестницы. Они почти бегом пересекли холл, у каждого в обеих руках по огнестрельному оружию. Массивная входная дверь в дом открыта нараспашку. С боков как на вечном посту и уставшие ждать, стояли Ворон и Косарь. Невероятное белое сияние изливалось из дверного проёма, из-за чего не видно творящееся на улице, будто там застыл бездонный туман.

Чингиз стянул маску с потных волос и откинул, не опасаясь, что по ней могут его найти, широко быстро шагая, гулко громыхал берцами по паркету.

– Кто дверь так распахнул?

– Была открыта, – ответил Ворон.

– Давайте, – Чингиз мотнул ладонью вперёд, – шустро уходим отсюда... Быстро покидаем дом!

– Хорошо... – Ворон и Косарь вышли первыми. Сразу следом скрылись остальные.

– Где?..

– Где это мы?! Это!.. Что это?! Чингиз! Стреляй!.. Сибиряк!.. Валет!.. Смотри!.. Смотри!..

– Что это?.. Смотри!.. Что это?!

– А!.. – грохнули выстрелы, ещё, и ещё. – А-а-а! – выстрелы посыпались, словно там завязался бой между двух армий. – Быстро все в дом!..

– Выхода!.. Входа нет!.. Входа нет!.. Куда мы попали!.. Нет входа!.. Нет выхода!.. Нет выхода!..

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! – Два взрыва прогремели один за другим, вспышками отозвались в дверном проёме: скорее всего, применил Лазарь, гранаты были только у него. Огромный переливающийся воздушный пузырь ворвался во входную дверь дома, раскидал всю мебель в холле, и схлопнулся, выпустив наружу последнее: «...а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!»

Дневной свет с улицы проник в дверной проём и улёгся на паркете мрачного холодного холла, будто подселившего к себе – зиму. Защебетали птички, радовавшиеся солнцу. Двое из рассредоточившихся вокруг дома бандитов заглянули в полумрак прихожей и вышли, чтобы дожидаться дальше, решив, что им что-то непонятное почудилось. Они так и не дождались своих шестерых. Они вообще их больше никогда не увидели.

Шестеро бандитов попали в никуда – пока в никуда, – где им придётся переосмыслить свои жестокие жизни и биться насмерть за жизнь Расы с серой тьмой на другом уровне.

Зловонный ветер задул в открытую дверь.

Много лет тому

Автобус набитый до отказа медленно отъезжал от остановки, отравил воздух выхлопными газами. Широкие следы от протекторов шин тонули в сыром рыхлом пожелтевшем снегу. Одутловатое небритое лицо, прореженное седой щетиной, прижалось – оно почти вдавилось – лбом к грязному окну и не отводило глаз убитых бельмом: ненависть переплёскивалась через ресницы, переливалась через край стекла, спускалась по жёлтому борту и подползала к зимним замшевым ботинкам, готовая ужалить ядовитой змеёй.

Потап закинул лямку спортивной сумки на плечо кожаной куртки и не мог оторвать глаз от неприятной морщинистой физиономии, которая его испепеляла, прожигала, пронзала мутно-белёсым взглядом на фоне тусклого света из салона «Икаруса». На лице бомжеватого мужчины натянулась кривая улыбка, высветила тёмные гнилые зубы, ладонь сдёрнула с головы шерстяную шапку, оголённая лысина наклонилась, и Потап отчётливо увидел крупную зебру штрихового кода.

Неопрятный небритый мужик закатил глаза, его лицо приняло выражение сладчайшего удовольствия, рот широко открылся, словно собирался запеть от неземного счастья, между разрушенных кариесом зубов появился обрубленный язык: плоть на конце вздулась кроваво-чёрными слюдяными бугорками, будто недавно была прижжена раскалённым добела железом. Потапу показалось, что он хотел лизнуть по стеклу. Непонятно по какой причине, но лицо бродяги ассоциировалось у Потапа с лицом Эйнштейна, где он показывает язык всему человечеству. Мужик радостно задрал голову в немом смехе, будто уловил чужие мысли, и даже показалось, что он сказал: да, да. Он покивал и вновь уставил на Потапа воспалённые глаза, налитые торжествующим злом. Он поднял большой палец кулака в дырявой шерстяной перчатке, покачал раздумывая и прикидывая, и медленно указал пальцем вниз.

Автобус по-черепаши подъехал к главной дороге и начал поворачивать к склону, создав слева небольшую пробку из легковых автомобилей. Где-то за перекрёстком раздался визг тормозов, хлопок металла о металл, звон бившегося стекла.

Потап усмехнулся, не надеясь, быть услышанным, тихо произнёс:

– Мы знакомы, приятель?

Бомж пожал плечами и покачал отрицательно головой.

– Что? – удивился Потап, произнеся шёпотом. – Ты меня услышал?

Бомж продолжал смотреть, щериться гнилыми зубами. Свет в салоне погас, автобус выехал на трассу и скрылся на крутом спуске.

Слух немного приглушило, будто мир погрузился в глухоту. На дальних заснеженных полях кричали женщины, словно зывали о помощи, наверное, чуть ближе происходила визгливая ругань, грязная брань слетала с пьяных уст, до носа коснулась горелая вонь со свалки, вечерний холод рисовал на стёклах города замысловатые узоры похожие на изуродованные лица людей.

С проводов упал заснувший голубь, несколько побил крыльями по натоптанному снегу и пришёл в себя, крутя клювом. Из-под колеса подъехавшего автобуса выскочил пёс и перекусил бедной птице шею. Пёс? Нет, это такой крупный кот. Потап внимательно присмотрелся, потёр ладонью веки, будто сгоняя с глаз куриную слепоту.

– Это же крыса, – шёпотом произнёс Потап.

С мёртвым голубем в зубах крыса села на задние лапы и повернулась. В её чёрных глазах читался разум. Это самое отвратительное существо, которое Потап когда-либо лицезрел. Её мерзкое беременное брюхо свисало до земли, а несколько длинных сосков, чем-то напоминавшие свиные, подогнали к горлу Потапа тошноту. И не только соски – в морде крысы угадывалось что-то поросячье. Она отвратительно улыбнулась и нырнула под высокий поребрик в чёрную амбразуру ливнёвки, оставив вязкую коричнево-бардовую полосу на грязном снегу.

Сверху надвинулась тень, Потап поднял взгляд и застыл широко открытыми глазами. На высоте двадцати метров завис воздушный шар. Он был прикован к месту невидимыми канатами, потому что довольно-таки резкий ветер его не сдвигал. Шар лишь медленно поворачивался и остановился перед взором Потапа, когда выказал лицо весёлого клоуна. На красно-рыжей макушке – шляпа-котелок, как в немых фильмах у Чарли Чаплина. В кулаке, облачённом в красную перчатку, зажата трость. Холодные глаза смотрели точно на лицо Потапа. Он решил сдвинуться и посмотреть, возможно, ему только кажется. Сделал в сторону несколько шагов. И увидел, что зрачки незамедлительно последовали за ним. Резкий порыв ветра ударил в лицо, Потап затянжно моргнул, а когда вновь посмотрел на весёлого клоуна, то под второй пуговицей пёстро-грязного наряда размашистыми высокими буквами написано: «АБОРТ».

– Аборт? – прошептал Потап.

Верхушку шара сильно зашатало, как останавливающуюся юлу, потом выровняло и медленно закрутило вокруг оси. Исчезающий влево клоун не сводил взора с опешившего лица Потапа. И когда его глаза почти скрылись, взгляд выразил всё сжигающую ненависть, пробрав спину Потапа до ледяного пота.

Тёмно-серый воздушный шар сдвинуло с места, и он медленно поплыл над крышами пятиэтажных домов, незамеченный всеми людьми. Потап долго провожал удивлёнными глазами, пока сгущающиеся невозможно низкие облака не растворили в себе безликую сферу.

– Пап, пап, ну я тебя зову, зову.

Ладошка в шерстяной варежке пятилетнего мальчика потянулась вверх в ожидании мощного, но нежного захвата отца. Детский взгляд устремился на горку, накатанную детишками на склоне двора из трёх пятиэтажек. Ресницы ребёнка часто моргали от бьющего в лицо снега, пухлые щёчки лежали на толстенном шарфе, повязанным поверх старенькой дублёнки.

– Макарошка, ноги не замёрзли? – Потап улыбнулся сыну, постучал пальцем по макушке шерстяной шапочки. Бубенчик радостно протанцевал в стороны. Мальчик поднял весёлые глаза, улыбнулся в ответ отцу.

– У-ку, – глаза ребёнка снова устремились на ледяную горку. – Пап, ну я же Макарка, а не Макарошка. Ты же знаешь.

Потап проследил за взглядом сына.

– Ну, типа знаю. Катнуться хочешь?.. – Потап посмотрел на уличный фонарь. Снежинки, как мотыльки танцевали вокруг света. – Пошли катнёмся.

Лапища отца заграбастала детскую ладошку.

– Папка, я так тебя люблю. – Макар потянул отца за собой, радостно кряхтя.

– Я тебя тоже, – с опозданием ответил Потап, наблюдая, как его малыш старается сдвинуть девяносто килограмм веса. Улыбка не сходила с лица от безграничной любви к

сыну. – Смотри не пукни.

Макар звонко хохотнул.

– Судя по тому, как хитро ты хихикнул, похоже, уже произвёл выстрел по воробьям. А? СЫна.

Макарка закатился в смехе, продолжая усердно тянуть отца. Потап, поддавшись, шагнул за сынишкой.

Смеясь, падая и кувыряясь Потап и Макар прокатились несколько раз. Пять ледяных дорожек на склоне отливала светом от фонарных столбов. Набежала детвора с ледянками и санками: поднялся радостный визг и смех. Две двадцатилетние – возможно, чуть больше – мамочки шушукались, прикрыв рты варежками, не отводили заинтересованных взглядов от двадцатипятилетнего мужчины с пятилетним сынишкой. От глаз Потапа не прошёл мимо интерес молоденьких смазливых мам. Он крутанул сына на карусели у подножия горок. Взял Макара под мышку и взобрался по скользкому склону.

– А вы, дамочки, не желаете присоединиться к веселью детишек? – Потап, не дав опомниться молодым женщинам, подхватил их за талии и бросился с горки. У подножия молоденькие мамочки оказались на спине Потапа. Одну даже он нечаянно, но как-то уверенно чмокнул в губы. Отряхиваясь от снега, троица весело смеялась.

– Вспомнили детство. – Потап откланялся. – Если поступил неправильно, извиняюсь.

Раскрасневшиеся женщины смеялись. К ним подбежали две девчушки. Скорее всего, дочки молоденьких мам.

– Макарка, всё, пора, пошли. – Потап поднял сумку со снега, сын на четвереньках забирался на горку.

– Последний раз, пап. Хорошо?

Потап и Макар прошли по заснеженному тротуару, пересекли хоккейную площадку и зашли в высокую арку между двух девятиэтажных домов. Ветер мёл снежные ковры, меняя ежеминутно орнамент улиц, большие снежинки липли к ресницам, надоедливо забрасывались в нос.

Перед спуском по длинной бетонной лестнице Потап посадил сына на плечи. Поправил лямку, перекинутую через шею, окинул широким взором заснеженные холмы, крепко держась за металлические перила, осторожно ступил на ступеньку.

– Не замёрз? – Потап поднял лицо к Макару.

– Нет.

Внизу побежали окна вагонов пассажирского поезда. По ущелью железнодорожных путей пронёсся визг электрички. Рельсы тускло блестели от света фонарей, возвышающихся над проезжей дорогой сверху. Поезд промчался, когда Потап с сыном пошли по металлическому переходу. От бетонного забора навстречу спускались две мужские фигуры. Сигаретный дым густо возносился на морозе. Потап уловил – движение руки высокого мужика в карман, его замедлившуюся поступь. Низкорослый опасно огляделся. Его грушевидный нос и искривлённая переносица, глаза навывкате и вязаная шапка на верхушке затылка, вызвали ухмылку у Потапа. Мысленно он прозвал мужика – Груша. Второго – остроносого, тонкогубого, остролицего, рябого – окрестил Орлом.

Потап снял сына с плеч. Они сошлись с этими двумя на переходе рельсов. В руке высокого блеснул обоюдоострый нож. Орёл нервно натянул ухмылку. Груша ехидно улыбнулся, подмигнул Макару: в широких глазах застыл страх.

– Куртку снимай, быстрее, – рябой покачивал ножом, нервничая, жевал губы.

– А ничего, то, что я с маленьким ребёнком. – Потап покосился глазами на сына. – У вас никаких правил?.. Парня с девушкой, престарелых... с ребёнком... не трогать.

Орёл и Груша переглянулись, крича и смеясь взглядами: перед ними идиот?!

– Слушай сюда, – прогнусавил Орёл, лезвием расписывая воздух перед лицом Потапа. – Мы, так, люди бедные, сечёшь. А по тебе судить, то иногда деньжата у тебя водятся. Сынок у меня... твоему вровень. Шубку со своего сюда наваливай.

Груша указал подбородком на спортивную сумку, зависшую в крепкой руке Потапа, ладонь нырнула в карман потёртого засаленного полупальто. Орёл подносил к глазам Макара лезвие.

Хлёсткий удар и хруст челюсти отправили Орла на шпалы. Нож звякнул о рельсы, отскочил и скользнул к ботинкам Потапа. Мгновенный второй удар с неприятным чмоканьем расплющил переносицу Груше, который взвизгнул, громко замычал, схватился ладонями за нос и осел на колени. Длинный нож, который он успел достать из кармана, воткнулся в снег. Удар ботинка в челюсть отправил Грушу в нокаут. Шапка с его головы слетела, кожа лысины лопнула от удара о ледяные рельсы, выбив брызги крови на чистый снег.

Суровый взгляд Потапа оценивал ситуацию. Справа взвизгнула электричка. Мёртвая хватка Макара за джинсы отца сковала движение. До этого момента не произнесся ни звука, он спросил:

– Пап... Они убиты?

Глаз электрички появился из-за холма, столб света врезался в железнодорожный мост, выдернув из темноты каменные опоры, клёпаные грязно-коричневые дуги пролётов.

Потап схватил сына и поставил подальше от железнодорожной линии. Потом схватил неудавшихся разбойников за шкирки и оттащил на другую сторону, бросил к подножию заснеженного холма. Электричка визжала в панике. Потап перескочил рельсы, схватил сумку и сына и поспешил отойти подальше. Тяжёлые колёса за спиной загромыхали по рельсам, светлые тени от окон замелькали над головами.

– Испугался? – Потап сел на корточки и внимательно рассмотрел лицо сына.

– Чуть. – Макарка глубоко вздохнул, слабая улыбка тронула милое личико. – Ты же боксёр. – Детские слёзы покатались по розовым щекам.

– Бывший, и не сложившийся. – Палец Потапа вытер мокрые полосы с лица сына.

– Пап, давай пойдём другой дорогой.

– А как? Я не знаю.

– И я не знаю, – пожал плечами Макарка, обернулся и, выпятив нижнюю губу, показал бандитам грозный кулак.

Потап подмигнул сыну, взметнул к небу и усадил на плечи. Сумка повисла возле бедра. Застывшие во льду ступени лестницы приняли обратно гостей – искать новый путь.

– Папа, ты их оттащил... ты их спас? – спросил Макара.

– Да.

– А зачем?

– Запомни, сынок... Никого нельзя убивать.

Ветер ворвался в ущелье, вьюгой пронёс неистовствующий снег, готовый холодной лапой накрыть маленьких человеческих путников. Людям пришлось нагнуться, чтобы преодолеть жестокий порыв природы. На верёвке давно оставленная и замёрзшая одежда бездомных билась друг об друга ледяными корками, белый наст покрывал обглоданные кости. Тоскливо зашумело в ушах и послышалось, будто умирающий клич журавлей прощался с последней

спокойной жизнью. Небосвод разрезала комета и погасла. Где-то уныло скрипели ржавые качели.

Вместе с ветром пронеслись низкие утробные частоты:

– М-х... М-ха... Ха!.. Ха!.. Ха!.. НИКОГО!.. НЕЛЬЗЯ!.. УБИВАТЬ!..

Потап Батурлин сидел на табурете в пятиметровой кухоньке. В руке – чашка с крепким чаем. Эмалированный чайник кипел на газовой плите, выдувая из тонкого носика густой пар. Стёкла окон запотели. На подоконнике – две трёхлитровые банки с мутным рассолом, в котором утрамбованы засоленные огурцы. Старый холодильник иногда гремел, но громыхал так, будто здесь расположился тракторный завод, сильно сотрясая пол. На чистом столе, затёртом до дыр, стояли заварочный чайник с отколотым ободком и подставка с кухонными ножами.

Старое радио на полке над столом тихо играло Моцарта.

Потап осмотрел кулак: две первые костяшки в мелких ранках. Наверное, длинному, которого он прозвал Орлом, кроме сломанной челюсти, пришлось занять пару обломанных зубов.

Сын спал в гостиной на расстеленном диване. Мать со своей сестрой – тёткой Потапа – легли на диване в спальне. На полу в коридорчике постелили тёткиному мужу.

Последний раз Потап приезжал к тётке перед армией. Теперь жил за две тысячи километров и приехал на недельку – показать Макара.

– Да, – Потап отхлебнул чай, – если бы не сын, этим двоим пришлось много хуже. – В кармане его куртки так же, как и у тех ханыг, имелся выкидной нож, с которым он не расставался после драки с «чёрными». Его тогда ударили ножом в область печени. Спасли рёбра. Тонкий старый нож проломил ребро, но лезвие согнулось и вошло в тело между грудной клеткой и внутренностями, обломилось, ничего серьёзно не повредило. Отбившись кое-как от четверых, Потап сам достал из тела лезвие и дошёл до больницы, где прочистили и заштопали рану. На следующий день его отпустили, не забыли допросить в милиции и подписать отказ от возбуждения уголовного дела.

– Да, скорее всего, против этих двух уродов... я применил бы нож. – Озадаченный взгляд рассматривал опухшие, начавшие гноиться, ранки на кулаке. Похожее уже было. Один раз они с другом напились – опустошили бутылку на двоих: не так много, но он занимался спортом и пил очень редко – и решили «зарэкетировать» одного двухметрового мажора. Парень на редкость оказался здоровым. В тяжёлой борьбе пришлось его свалить и выбивать деньги лицом об лёд вместе со своим кулаком. Мажор вцепился зубами и, не желая расставаться ни со своими деньгами, ни с чужим пальцем, прокусил насквозь, оставив после ударов лицом об ледовую дорогу костяные кусочки в мягкой плоти.

– Такое поганое время, – вздохнул Потап. – Ни работы, ни денег, или иди в бандиты, или голодай и нищенствуй.

Потап в четвёртый раз наполнил чашку. От включённых четырёх конфорок на кухне стало жарко и душно. Он потянулся к окну, в открытую форточку ворвался морозный воздух. Хорошо. Потап задумался, пальцы тёрли нательный крестик на треугольном вырезе чёрной футболки.

«Бог существует? Верю ли я в него? То, что нас создало, безусловно, есть – разумная вселенная, или в бесконечность раз большее. Но существует ли другой бог, порождённый вселенским космосом, по чьему подобию созданы мы? А если нет, то зачем тогда крестик у меня на шее? Но если существует бог, значит, должно существовать и всё остальное – души,

призраки, демоны и ангелы, ясновидение, экстрасенсы, телепортация, магия, кощеи... Тяжело во всё это поверить, если нет доказательств. И скорее всего – всё это ложь. – Потап отпил чай и обжог язык, кожица на нёбе отошла. – Но всё-таки – что-то есть. Непонятные законы в природе, типа невезения и удачи. И почему одни живут в раю, а другие как в аду? А НЛЮ? Неопознанный объект я видел один раз. Полгорода видело. Но что это было? Просто огненный шар, зависший на одном месте. Минут десять парил, потом резко исчез, как растворился. Видели с другом. Шли вдоль магазина. Интересно то, что друг не помнил, когда спросил его лет через пять о случившемся. Как-то завели разговор о пришельцах. Напомнил ему. Но он как ни старался вспомнить – не вспомнил. Но необычные законы в природе существуют, убедился на себе. Только для каждого – законы свои, тоже убедился на личном опыте. Один верит в чёрную кошку, перебежавшую дорогу, и не дай бог, если пройдёт через эту полосу, с ним что-то случится – обязательно. И сколько раз пройдёт, столько дерьма и огребёт от жизни. А другой не верит и пройдёт не пройдёт – всё нипочём. Но зато в другие моменты ему то муха на скорости влетит в дыхательное горло, то сухим печеньем поперхнётся и посинеет до остановки сердца, то захлебнётся и если успеют откачать, то будет жить, продолжая задыхаться от всяческих удуший. Возможно, как говорят, это карма. Перерождения».

Потап выкрутил ручку радио, опасаясь разбудить родню.

«Была же у нас машина. Парни её прозвали – проклятой. Всего несколько раз на ней выезжали и каждый раз попадали в засаду и под мощный обстрел. И все разы парни гибли». Машина подрывалась, горела, вся изрешечена пулями и осколками, а как-то раз долго катилась с горы и уткнулась колёсами в камни перед самым обрывом – никак не желала гибнуть. В кабине сидели трое мёртвых солдат, у водителя отсутствовало половина головы, кровавые осколки которой через узкое заднее стекло разметались по деревянному кузову. Машину возвращали, чинили и ставили на место. До следующего «проклятого» раза. И уже невозможно было кого-то заставить сесть за её руль.

Но они – втроём – однажды согласились. Нужно было перевезти продукты на блокпост – всего какой-то километр, возможно, чуть больше. Они уже возвращались и радовались, что впервые обошлось, оставалось свернуть с дороги, через сорок метров ещё раз повернуть, проехать метров сто и остановиться возле четырёхэтажного дома.

Водитель перевёл ручку передач на пониженную скорость, надавил педаль газа, мотор, ревя, повёл машину на каменистую возвышенность. Осеннее яркое солнце ударило по глазам сквозь пыльные стёкла. Радостный Потап глубоко затянулся, задерживая дым в лёгких, протянул сжатую пальцами папиросу другу. Щёлкнуло, чистый лучик ворвался из дырочки на лобовом стекле, ухо водителя разлетелось в лохмотья. Солнечные рапиры начали пронзать кабину, пока стекло не лопнуло.

– Ганя, гони! – закричал Потап. В лоб с серых валунов и со стороны невысокой сопки на них обрушили ураганный огонь. Чтобы отгородиться кузовом, водитель вдавил в пол педаль газа, дабы на скорости пролететь поворот, где справа сразу начнётся обрыв, а оттуда вряд ли кто-то будет стрелять. Потап увидел, как грудь Тарана превратилось в кровавое сито, он воткнулся в приборы лбом и соскользнул вбок. Потап добил окно подошвой ботинка и начал палить из автомата куда попало. Он не почувствовал, как пуля вонзилась в бедро, ладонь судорожно переставляла сдвоенный рожок, стальной дождь осыпал кузов. Едва не коснувшись крыши кабины, прошелестела мина из гранатомёта. Весь мир прыгал и колыхался, казалось, горы впереди совсем почернели, дьявольской бездонной тьмой

приглашали к себе непрошенных путников – навеки. «Зис» подпрыгнул на ухабине, Потап едва не сломал шею от удара об потолок, а ствольная коробка «калаша» чуть не раскрошила ему зубы. Взорвалась граната, осыпала осколками бампер, нащиговала рваным металлом шину, насквозь продырявила правую фару. Пыль расступилась перед глазами, почти вплотную стоял чёрный бородач, над его плечом завис гранатомёт, ненависть кипела в его глазах.

– Ганя, гони-и-и! – обречённо заорал Потап и швырнул в окно круглую наступательную гранату. Машина сильнее заревела, колёса выбросили из-под себя пыль и камни, водитель на всей скорости крутанул влево руль. Задняя шина налетела на высокий валун, машину потряхнуло, вильнуло и резко поставило на правую сторону колёс, казалось, небо начало переворачиваться и сваливаться. Плечо Потапа выбило из замка дверь, он вылетел из кабины, весь мир замер, остановился.

Потап, застывший в воздухе, будто заседавший в кресле, посмотрел на «зис» опасной тенью нависший над ним и успел подумать, что машина сейчас прихлопнет его своим весом. Он подумал, что, когда вылетал, под ним разбросались острые камни, об которые он непременно разобьёт копчик или сломает позвоночник. Он вспомнил, как однажды, совсем недолго, работал на мясокомбинате: его бригада на себе загружала вагон половинками замороженных коров. И один парень, решивший перед всеми выпендриться, поднял на плечо неподъёмный для себя груз – половину быка. Восходя по решётчатому настилу, его ноги зашатались, подкосились, и мороженая туша накрыла его с головой, раздавила таз, издав такой хруст, что ошеломляющий ужасом звук ещё долго витал в воспоминаниях Потапа. И такой же хруст, кажется, ожидал его в «ближайшее впереди».

Потап представил, как его шмякнет о камни и может сломать бёдра, если он не подставит под себя ступни. Он подумал, что ему нужно при падении оттолкнуться и самому прокатиться кубарем, чтобы смягчить удар. Потап посмотрел вниз и увидел под собой пропасть и понял, что разбиться о камни ему не грозит, он просто будет вечно парить в чёрной дыре бездонного обрыва, стараясь ни в какую не находить зловонное дно местного мирка.

Потап грустно усмехнулся, простился со всеми родными, родственниками, врагами и как-то тоскливо посмотрел на небо, до сих пор не понимал, почему боги позволяют. И когда он уже был готов улететь в вечность, на фоне бледного солнца он увидел парящую на одном месте фигуру. Это явно была не птица.

Глаза Потапа широко раскрывались от удивления: от его тела начали исходить слабые лучи, создали еле уловимую ауру, переливающийся кокон озарился вокруг него, к которому от воспаряющего существа устремились пепельные извивающиеся щупальца, чёрные ветви, переходящие в шипы, ударились о невидимое стекло и рассыпались мельчайшей пылью.

Неимоверный грохот ворвался в уши Потапа, и он рухнул вниз. Сорвав все ногти, его пальцы зацепились за скальный выступ метров на пять ниже дороги, переломанная берцовая кость торчала через рваную штанину. Потап посмотрел вверх, ища глазами странное летающее существо, очень напоминающее летучую мышь с торсом и челюстью человека, но размером с птеродактиля. Или больше. И он увидел уже двух, они стремительно приближались, издавая очень знакомые звуки. И когда, часто поморгав, Потап внимательно присмотрелся, сердце засияло от счастья и завизжало щенячьей радостью. Грозно опустив носы, стрекотали родные вертолёты, через несколько мгновений всё испепелили там наверху.

– Значит – будем жить, – прохрипел Потап.

А через год, когда они уходили с места, «проклятый зис» остался неприкаемый у подножия горы как новенький: починенный, выкрашенный заново в зелёный цвет, блеснул стёклами на солнце.

2

– Ну вот, уже прохладно. – Потап потянулся к окну, хлопнула форточка.

Ясновидение или экстрасенсорика. А ведь два раза он видел картины настолько ясно, как фильм посмотрел, и потом всё детально произошло. Всё сбылось одно к одному. И ещё одно. Потап видел разумный шар. Возможно, это была шаровая молния. Они приехали с гор: с друзьями ездили на шашлыки и били речную форель самодельными подводными пистолетами. С бокалом вина Потап разместился на диване в комнате и через арку на кухню любовался беременной женой на последнем месяце. Она готовила оладьи, пела под нос собственного сочинения колыбельную, лихо лавировала «животом-арбузом» между столом и угловой столешницей, напустила дыма от жарки, будто им собиралась удушить домового. Иногда она подмигивала и показывала «секс для нищих» – медленно задирала белый шёлковый халатик на бедре, предоставляла на обозрение кусочек белых кружевных трусиков. Потом таинственно поджимала нижнюю губу и показывала фигу. И дальше звонко хохотала. Распускала светло-русые волосы, опускала затылок и качала головой, бив густым водопадом по пояснице. И вновь собирала пышный ком на затылке и прищипливала длинной китайской заколкой.

– Сейчас довыпендриваешься, – грозил пальцем Потап. – Подойду, загну и отдеру.

Она молча улыбалась, яростно мотала головой и уже показывала две фиги.

Бокал в руке опустел, и Потап раздумывал – налить ещё порцию или хватит. Инга погоняла полотенцем дым, тыльной стороной ладони вытерла лоб и накрыла оладьи льняным полотенцем. Она послала ему воздушный поцелуй, хитро просемафорила обоими глазами, выставила стул чуть поодаль арки и села. И начала его соблазнять. Её нежные и белые ладони с чувством потянули полы халатика по бёдрам, язык дугой увлажнил пухлые губы и ноги неторопливо раздвинулись. Инга не сводила широких синих глаз с зачарованного мужа, кончики пальцев подцепили трусики в промежности и сдвинули.

Потап вскочил на ноги и с ужасом протянул к ней руку.

Ярко-жёлтый шар, переливающийся бурными вихрями, материализовался за затылком жены. Он не вырос, не прилетел из окна или форточки, не загорелся медленно, он просто появился размером футбольного мяча, как включили свет. И застыл на расстоянии пятидесяти сантиметров от волос жены. Потап не знал, что делать. Он боялся пошевелиться или что-то сказать. Ведь много раз приходилось слышать рассказы про шаровые молнии, как они сжигают людей, стремятся на звук или сквозняк, плывут по любому дуновению. И вообще, неизвестно – какая энергия возродилась на кухне. Что если жена шелохнётся, отпрянет затылком и её убьёт током.

По тому, как побелело лицо Потапа, как он захолодел с вытянутой дрожащей ладонью, а до смерти испуганный взгляд лежал на чём-то у неё за спиной, Инга поняла, что происходит что-то чрезвычайно опасное. Её ладони непроизвольно старались спрятать живот, интуиция подсказывала, чтобы она молчала и не шелохнулась, и даже не дышала. Крупные слёзы потекли по бледным щекам. Такая сумеречная неподвижность в квартире провисела несколько минут. За тёмным окном сверкнула молния. Настенные часы над холодильником били стрелками в тишине боем курантов. Инге сильно захотелось писать, зарезало низ живота, и она не вытерпела, повернула голову, чтобы увидеть, что за дрянь разместилась за

спиной. Шар мгновенно переместился за её затылком. А когда она повернула лицо к мужу, сфера возвратилась на прежнее место.

Потап прижал указательный палец к губам, и они просидели застывшие ещё минут пять.

Терпеть больше не вмоготу, иначе мочевой пузырь лопнет, да и ребёнок застучал ножками, создавал излишнее давление. Инга встала со стула. Шар взметнулся за её затылком, немного увеличился и беззвучно лопнул, обдав светящейся дугой спину Инги. Она закатила глаза, попятилась и упала на стол без сознания. Потап еле успел подскочить и подхватить жену, чтобы она не свалилась на кафельный пол. Он ещё не донёс её до кровати, как она широко открыла и выпучила непонимающие бегающие глаза и брызнув слюной яростно прошептала:

– Вуалуфель!..

От произнесённого слова Потапа сильно затошнило, тело заколотило нервной дрожью, он еле смог проглотить слюну. Он не понимал, почему ему так стало омерзительно на сердце, настолько мерзко, что он едва не выпрыгнул в окно вместе с беременной женой. Потап точно не расслышал, как Инга произнесла – то ли вуалуфель, то ли ваалуфель, но он точно знал, что очень хорошо ведаёт это слово, только почему-то ни черта не помнит. Он не помнит даже лиц, с кем служил, кроме некоторых имён. В его памяти вместо обликов одни лишь тёмные пятна, будто стёртые с земли самим прошлым.

И ему казалось, что прошлое продолжает уходить из его памяти, замещается чем-то другим, чем-то несуществующим или чьей-то чужой прожитой жизнью. Иногда он попадал впросак – помнил одно, а оказывалось сотворено когда-то было – иное.

Потап осторожно опустил жену на босые ступни и когда она обернулась – на него смотрел другой человек, чужой: та женщина, которую он безмерно любил и боготворил, стала той женщиной, какую он будет безмерно презирать и ненавидеть. И перед смертью будет жалеть лишь об одном – почему однажды её не заporол.

Последнее время Инга совсем вела себя отвратительно. То увидит понравившегося молодого артиста или певца в «стеклянной пустышке» и ляпнет, как бы шуткой, что мечтает с ним переспать, то, запоем насмотревшись порнографических фильмов, начнёт в постели сравнивать его с теми «жеребцами». Стала с двоюродной сестрой часто шептаться, мечтательно осклабляться, возносить глаза к небу и томно вздыхать, будто оборачивалась возбуждающими воспоминаниями, грёзами, новыми предвкушениями и, сломав разум, летела в бездну. Глаза всё время чего-то высматривали, ждали и иногда гневались, и проливали, какие-то безутешные, горькие слёзы. Потапу с каждым разом было отвратительно всё это созерцать и один раз он так рассвирепел, что едва не утопил Ингу в ванной, на месяц сделав её шёлковой, ласковой, любящей женой, вихрем летающей джином с подносом. Но уже следующую волну её личного, созданного с сестрой, извращённого эгрегора невозможно было остановить: ни угрозами, ни ласками, ни льстивыми доводами и увещаниями.

Инга стала часто повторять, что сестра называет её дурой, за то, что не изменяет, ни разу не загуляла на стороне, хоть бы раз попробовала. Отдать свою красоту единственному мужчине – это так не по-современному, это так по отношению к себе – издевательски, это – не любить себя вовсе и...

Потап помыл чашку под холодной водой и убрал в навесную полку над раковиной, перекрыл кран газа, пробежался глазами по старой кухонной мрачности. Люминесцентные стрелки на часах показывали ровно два часа ночи.

«Уж больно с ретивой радостью провожала, – подумал Потап, – с маленьким сыном за тысячи километров. Инга». Он выключил свет и пошёл в комнату, где спал Макарошка.

Чтобы не разбудить сына, Потап не стал включать свет. Спать не хотелось, ощупывая ладонями темноту зашторенного зала, он тихо прошёл к креслу – посидеть в тишине и поразмышлять, возможно вспомнить что-то упущенное важное. Где-то плескалось море и кричали чайки, крабы рвали рыбу. Он не заметил, как голова склонилась и подбородок уткнулся в грудь, а липкая слюна скатилась с губы под крепким сном. Безмятежность поплыла по душной комнате, изредка проносилось детское сопение.

Потап вздрогнул и разлепил ресницы. Свет из стеклянной люстры тускло струился, бедно освещал комнату. Перед затуманенным взором в маечке и трусиках улыбался Макар, ямки на щеках углубились, а врождённая светлая полоска волос, проходившая от виска через затылок к другому виску, топорщилась, будто наэлектризована, чем-то напомнила разомкнутый терновый венец.

– Пап, ты чего не ложишься?

Потап потянул руку к сыну, чтобы поддеть маленькую носопырку скрюченным пальцем и увидел то, что заставило его рано утром поехать на почту и дать телеграмму жене, сообщить, что выедут только через четыре дня. Потом вернуться, собрать вещи, распрощаться с родственниками и матерью, и в обед этого же дня выехать с Макарой на скором поезде. Вечером что-то убило мать Потапа. Тётка пробовала дозвониться по мобильному телефону и сообщить о трагедии, и чтобы он срочно возвращался. Но Потап пребывал в ярости – в комнате он увидел над сыном несуществующий фильм, как и прошлые два раза, почти на сто процентов оказавшиеся реальностью – и разбил телефон об толчок в туалете поезда и теперь оставался без связи.

3

Потап и сонный Макар, засевший на плечах отца, вышли из поезда в четыре часа ночи. Кипарисы стройным рядом расположились вдоль почти безлюдного перрона, прохлада со стороны величавой воды освежала не в меру, пробирала до озноба. На тени от металлического столба застыл серый круг от часов, стрелки которых на белом циферблате остановили ход на цифре двенадцать, ещё с того момента, когда нога Потапа коснулась перрона после возвращения с войны. В урне-пепельнице из продолговатого отверстия сбоку торчали два засохших цветка – красная роза и белая лилия.

– Взять и подарить Инге, – ядовито произнёс Потап, – на её будущую могилу. – Его взгляд устремился в тёмную даль, пролетел над верхушками деревьев и растворился в туманной мгле: Потап был уверен, знал, что сейчас происходит в его доме. Сгушавшийся клубок мрачных чувств в подсознании предлагал – не ходить и не допускать то мгновение, после которого твой свет падёт и больше не взовьётся. – Чему быть, того не миновать.

Потап спустился с перрона, прошёл подсвеченную низкими фонарями аллею и подошёл к таксистам.

Через двадцать минут Потап подошёл к двери. Макара радостно хлопал ресницами, держал его за руку, собирался что-то сказать. Потап, как прищепкой замкнул пальцами губы сына, опустил сумку на бетонный пол. Достал из куртки ключи и ввёл в замочную скважину. Замок не проворачивался. Потап покачал головой и усмехнулся. Всё как увидел. Он присел на корточки, заглянул сыну в глаза.

– Ты же мне скажешь, если кто-то чужой отсюда выйдет? – шёпотом спросил Потап. Макар опустил глаза и покивал, кажется, он всё понимал, что здесь происходит. Он даже не

спросил, кто именно может выйти. Он уставил грустные глаза в сторону и на ресницах заблестели слёзы, а уголки губ низко опустились. Неприятный ком подступил к горлу Потапа, его ладонь погладила волосы Макарошки. Потап достал лейкопластырь из аптечки, которую взял в дорогу для сына и заклеил видеоглазок. Подмигнул Макару, несколько раз долго прозвонил в звонок двери и забарабанил кулаком.

– Ведь ты же мне скажешь? – переспросил Потап и не спеша пошёл по коридору, чтобы обогнуть дом и подойти к своим окнам. Кромка четырёхэтажного дома почти сразу обрывалась полутораметровым склоном, газоны настиганы арматурой для поддержания молодых деревьев, колючие кусты ежевики и шиповника заполняли пространство перед балконами.

Тёмная фигура с одеждой в руке зависла за его балконом и не решалась спрыгнуть. Первую секунду Потап подумал, что, может, это всё-таки вор и сразу одёрнул глупую идею – обмануть себя. Он достал из кармана джинсов выкидной нож, нажал кнопку, медленно подошёл под балкон. Несколько секунд они смотрели друг на друга, не видя глаз. Дальние фонари с торцов здания почти не доносили свет к середине дома. Потап молча помотал широким лезвием, приглашая «заплутавшего» к нему спуститься. В окне Потап увидел ещё одного. Да, он знал, их там трое. Зависшему «стенолазу» ничего не оставалось, как забраться обратно в квартиру. И Потап подумал – стоит ли знать, что происходит, может иногда нужно нагло обмануться, закрыть глаза, зарыть голову в песок и пусть к тебе подходят сзади и делают что хотят, как посчитают нужным.

Все живут: лишь бы на виду красиво, а внутри – гнильё.

Потап усмехнулся, смачно сплюнул, медленно побрёл к квартире, давая время любовникам жены, чтобы скрыться.

Он подошёл к квартире – дверь нараспашку, Макар стоял посреди комнаты, в глазах застыл ужас ожидания. Инга сидела в халате на кровати, понуриив голову, ладони, прижатые к вискам, дрожали. На диване сидела сестра и злобно, настороженно смотрела исподлобья. Наверное, Инга попросила не уходить.

– А ты что здесь осталась? Зря ты это. Ну, будешь участвовать в тexasской резне бензопилой. – Потап схватил волосы жены и занёс нож над горлом.

– Папа! – завизжал Макар. – Папа-а-а! – от такого визга сына душа Потапа рухнула в преисподнюю. – Папа, не убивай маму! Не убивай!.. – Макар подлетел к его руке и повис на ноже. Потап убрал лезвие от горла жены, стараясь не поранить сына.

Двоюродная сестра Инги, казалось, влилась спиной в стену, от неё завоняло потом, мочой и таким запахом страха, что Потап еле сдержал порыв рвоты. Он даже не понял, чем ещё от неё несёт. Инга смирилась с судьбой и замерев покорно ждала продолжения, лихорадочно тряслась, стучала зубами.

– Вали отсюда! – рявкнул Потап.

Сестра жены вскочила на ноги, её ступня скользнула под диван и застряла. Она упала на колени, неестественно вывернув ногу, поползла, пытаясь скорее выскочить из квартиры, её платье задралось и обнажило голый зад, половые органы. Потап помог ей, подошёл и поднял диван.

Несколько минут они молчали. Макарка беззвучно плакал, не моргая, не отрывал глаз от отца. Никто из соседей дома не поинтересовался, не вышел взглянуть на безумный визг ребёнка.

– Ваша хата с краю. Только не с того, где мечом встречают врага, – прошептал Потап. –

Вот поэтому безмозглая ваша жизнь проходит тоже – с краю, мимо. – Стараясь не смотреть на жену, он подошёл к сейфу, открыл и забрал тонкую пачку денег. На столе возле окна лежал золотой крест с цепочкой. Потап болезненно ухмыльнулся и подумал, что любовник так спешил ретироваться, что забыл нательную побрякушку. За цепочку Потап поднял крест на уровень глаз, чтобы рассмотреть и удивился: крестик-то – перевёрнутый, совсем нехристианский. Он решил оставить «трофей» на память и сунул в боковой карман куртки. Подошёл к сумке и закинул лямку на плечо.

– Папа, ты куда? – жалобно пропищал Макар.

– Прощай, сыночек.

– Папа, ты куда?..

Потап прошёл к двери, на прощание обернулся и махнул сыну ладонью, на вечное последнее показал этому дому ссутулившуюся спину в кожаной куртке.

– Папа, кто меня любить будет?! Папа, не уходи! Не уходи, папа!.. Папа!.. Не уходи-и-и!..

Свет от люстры падал на массивный стол, ломящийся от яств. Широкая стеклянная ваза с чёрной икрой, из которой, наверное, можно накормить полк, возвышалась в окружении четырёх маленьких плошек с красной икрой. Фаршированные зелёные оливки и чёрные маслины тонули в глубоких блюдах, два больших осетра в длинных посудилах окопались в жареном картофеле с укропом и с разбросанными сверху пяточками лимона. В круглых громадных тарелках на салатах из помидор и огурцов подняли свои крылышки жареные курицы. Вкусная всячина красовалась в хрустальных посудилах: апельсины, виноград, клубника, халва, финики. Пиво играло пузырьками по стенкам хрустальных графинов. Красное вино из ягод собственного урожая весело и с любовью разливалось по бокалам, закусывалось разными сырами.

Владельцы этого богатого дома стол собрали по случаю выходного. Каждую субботу они устраивали мирные посиделки с нужными людьми, друзьями или, если никого не приглашали, просто в кругу семьи. Хозяин дома – преуспевающий, второй человек в крупном бизнесе, в достатке не стеснён, но имел собственное хозяйство. Для себя и родных разводил осетров, пас овец, коров; навороченная с передовыми технологиями теплица со всевозможными овощами занимала очень значительную площадь. Собственный сад из груш, яблонь, слив, мандаринов и гранат занимал целую равнину. Даже пёлся собственный хлеб по засекреченным рецептам монахов – это поистине неповторимый вкус, которым хотелось наслаждаться ещё и ещё. Для того чтобы обеспечивать себя качеством продуктов, были наняты рабочие. Есть ту гадость из магазинов хозяину дома – претило.

Приглушённая музыка Шопена лилась из массивных напольных колонок, возвышающихся с обеих сторон громадного камина возле лестницы, громоздко ступающей на второй этаж.

Богатые подсвечники на столе переливались золотом, огоньки иногда мигали на толстых белых свечах.

Мужская ладонь под скатертью вела по шелковистой коже женского бедра; пальцы почувствовали влажный жар сквозь кружевные трусики, подтянули резинку и погрузились в горячее лоно. Женская ладонь прижала сверху мужскую, не давая шалить.

Ослепительная улыбка расцвела на лице Анжелы. Она подалась плечами вперёд и осмотрела присутствующих за столом. Её рука попробовала отдёрнуть ладонь мужа, не дай бог, кто заметит, но, видно, та была сильнее и настойчивее, пришлось оставить так, как есть. Анжела старалась не смотреть на портрет святого отца – или кто он там есть – на стене: тот точно всегда всё видел и подмечал, и как иногда казалось, с улыбкой журил, грозил указательным пальцем. Она в блаженстве прикрыла на секунду глаза – ладонь мужа вот-вот доведёт до оргазма, а за столом этого не нужно – и обратилась к мужчине напротив:

– Профессор. – Анжела замерла и стрельнула довольными глазами на мужа: его озорные слегка пьяные глаза ещё больше развеселили её. – Профессор, прошу нас извинить, нам с Потапом нужно отойти на пару минут, решить кое-какие... семейные формальности.

Мужчина допил вино и медленно отставил бокал, так плавно и нежно будто винный сосуд создан из мыльного пузыря. Ладонь с печатками на четырёх пальцах провела по густой иссиня-чёрной шевелюре волнистых волос, слегка припорошённых сединой. Указательный

палец побил по крылу острого носа. Профессор раздумывал. Анжела понимала, что он медлит намеренно, не желает лишиться её общества. Она всегда подмечала, что Профессор к ней неровно дышит и с удовольствием принимает их приглашения на вечер, ни разу не пропустил. Профессор промокнул губы матерчатой салфеткой, провёл глазами по небосводу лба и улыбнулся, показав сжатые зубы – белее и ровнее не бывают. Он как-то тяжело вздохнул, оглядел присутствующих, слегка побил пальцами по блестящему краю бокала.

– Конечно, конечно. – Профессор вновь улыбнулся, на этот раз какой-то убогой, не искренней и застенчивой улыбкой, и ревностно убил взглядом Потапа. Наверное, дружески убил и подмигнул, давая понять, что понимает суть дела их временной отлучки. – И я же просил, – обратился он к Анжеле, – меня звать Альберт. Не профессор, ну ведь. Не так уж я и дряхл, всего на семь лет старше вас. – Он посмотрел на девушку-гота – дочь Анжелы – и подмигнул. – Ты согласна со мной, Максим?

Макс равнодушно пожала плечами и обратилась слухом к более молодому собеседнику, Павлу, следователю: то ли друг Потапу, то ли товарищ, то ли не то и не другое, а просто сосед по домам. Он всегда приходил со своей женой-воблой, психованной анорексичкой, Вероникой, вечно боящейся съесть лишний кусочек. Тем не менее Ника нравилась Максим. Нравились её громадные зелёные глаза – почти такие же, как у мамы – с длиннющими ресницами и очень нежный голос, не то что у неё – с лёгкой хрипотцой. А ещё Ника волшебным образом играла на пианино: и не за Шопена, Штрауса или Грига, хотя классические произведения Максим тоже нравились, Потап приучил. Правда, у Грига выбешивала композиция «В пещере горного короля». Максим всегда казалось, будто в припляску шагает строй зомбированных недочеловеков в кандалах на мозгах и с шорами – да не с шорами, а со шторами, бронированными кованными шторами! – как глупые крысы за дудочкой Нильса, как безрогое, безропотное быдло, идущее на убой, как... И не вздумай сказать им такое – возопят, но не желают думать и соображать, будут вечно маршировать по длинному извилистому пути под барабан и с флагом – в гибельное никуда.

– С чужими богами – с колен не встать, – прошептала Максим любимые слова Потапа. – С чужими богами – в небеса не подняться.

Очень нравилось играть и петь Веронике: «Остальное не важно» Металлика, «Ноябрьский дождь» Ганз-Н-Роузиз, «Небесная лестница» Лед Зеппелин. А когда приходила её сестра и они в четыре руки резали со своими проигрышами, словно удивляя друг друга, «Средство от похмелья» Назарет – клавиши дымились из-под их пальцев. И сердце Макс вопило и визжало от восторга.

Максим недовольно покосилась глазами на Профессора.

«Что ж, девочка пока не в духе. – Альберт расплылся в улыбке предназначенной Анжеле. – Подождём, заставим». – И обратился к Потапу:

– Ну... вы там недолго. – Он поднял ладонь, показывая, что всё сказал и принялся наливать вино в бокал.

Анжела взяла за руку мужа и потянула за собой.

– И, да! – следом крикнул Альберт. – Анжелочка, поменяй, пожалуйста, музыку. Поставь пиано Дебюсси. Пожалуйста.

Анжелика обернулась и кивнула. Они прошли холл и подошли к лестнице. Потап схватил жену, перекинул через плечо. Анжела взвизгнула и освободила волосы от дешёвой китайской заколки, красно-рыжая копна упала водопадом на спину мужа.

Максим обернулась и с негодованием посмотрела на мать.

– Сколько можно, – еле слышно произнесла она негодуя. – Опять трахаться пошши. Кролики. Ну давайте, ещё третью дочку наплодите.

Альберт поперхнулся вином.

– Не любишь папу с мамой? – спросил он, придав голосу ироничность.

– Тсс, папу. Скажите тоже. Он, Диане папа.

На ступенях Анжела попросила снять её с плеча.

– Сейчас дойду до последней и сниму. – Потап слегка ущипнул «женскую бабочку» под платьем. – Мужчина я или нет? Что, а ли не могу любимую женщину до конца лестницы допереть.

За спиной мелькнула вспышка. Анжела посмотрела на сидящих гостей внизу за столом в гостиной. Следователь Павел стоял с нацеленным на них фотоаппаратом и снова защёлкал вспышками.

– Этот твой полицей, – недовольно хмыкнула Анжелика, – прям не расстанется со своим Пентаксом.

– Тампаксом?

– Ага. – Анжела взъерошила волосы на затылке Потапа.

– Говорит, три штуки баксов отдал.

– И что, теперь нужно каждую мышшь фоткать?

– Издержки профессии... за всеми следить. – Потап опустил жену на ноги. – Пусть щёлкает, – развёл руками он, чуть запыхавшись. – Не мешает. – Он поднырнул ладонью под юбку, его пальцы углубились куда надо под трусиками.

– Не люблю болтаться в чужих фотоальбомах.

– Ну, пусть завидует тогда, может, зафантазирует с собственным дружкой.

– И ты не ревнуешь, такое говоришь?

– К его дружку?

– Глупыш. – Анжела громко расхохоталась. – Ко мне. Конечно же, ко мне. Батура!..

Потап подхватил жену на руки, шибанул ботинком дверь в спальню. Анжела обхватила губами его рот, ладони нежно, но крепко прижали голову мужа.

Он донёс её до кровати, поставил на колени, задрал юбку.

– Смотри, дверь не закрыли, – шептала Анжела. – Диана здесь, на втором этаже. Может зайти.

Не ответив, Потап стянул с жены трусики, и они совокупились.

– Боже, мой Батура, как же я тебя люблю. – Сладостно охнув, Анжела взялась обеими руками за спинку кровати. – Двенадцать лет вместе, а я всё больше прикипаю к тебе. – Она зашаталась в такт мужу. – Мне никто, кроме тебя, не нужен. Никто. Никогда. Никто.

– Вместе со мной ты обожаешь чёрную икру, золото и брюлики, и мои бешеные деньги. А говоришь никто.

– Говори, говори, а я всё равно тебя люблю. – Она взяла его рукой за спину и потянула на себя. Неожиданно хлынувшие воспоминания отстранили её от Потапа, от действия происходящего в просторной спальне.

– И, кстати, не двенадцать... – поправил Потап, вышибая Анжелу из застарелых, дремучих грёз. – Тринадцать.

– Угу, – ответила она, будто из тумана, – несчастливая чёртова дюжина. – И снова улетела в прошлое.

В школе с первого класса Анжеле нравился мальчик Роман. До восьмого класса она была неприметной, большинство девочек считались красивее её. Мать развелась с отцом – ей пришлось много работать, чтобы прокормиться, ведь своего угла не было, и они вечно скитались по съёмным квартирам. И мать как-то упустила дочь. Часто у маленькой Анжелы были невымытые волосы, не очень новая одежда, подержанная из секонд-хенда. Да и на мордашку Ангел была гадким утёнком, лишь большущие салатовые глаза выделяли её и говорили, что в принципе, она девочка неплохая, второй сорт не такой уж и брак. Естественно, этот мальчик Ромка не обращал на неё внимания и Анжелике приходилось самой его осаждать, влюблять в себя.

Она долгое время не любила смотреться в зеркало. В конце седьмого класса после ванной Анжелика стояла с небольшой гадливостью и даже презрением на собственное отображение, расчёсывала густые длинные рыжие пряди. Её до белого каления бесили на носу веснушки, хоть и редкие. Часто она хотела их стереть и тёрла махровым полотенцем до посинения, пока нестерпимая боль не останавливала. После такой процедуры лицо под глазами опухало покрасневшимся мешком и долго не проходило. Потом появлялись синяки, Анжела пропускала школу, и мама часто думала, что дочку кто-то избил. Одноклассники также думали, что её кто-то обидел.

Анжелика с надеждой в глазах косилась на Романа, полагала, он обратит хоть малейшим сочувствующим взглядом, но она для него была – нулём. От глубокого отчаяния Анжела не могла сдержать слёзы – блёклые бусинки сами накатывались на глаза и, закрывшись носовым платком, она поспешно убегала в туалет: видно, маленькие были синяки. И однажды в ванной, перед зеркалом Анжела обозвала мысленно любимого мальчика всеми возможными бранными словами, произнесла, что всё равно для тебя, дурак, всё делаю, взяла стеклянный стакан из-под зубных щёток и сначала легонько, а потом всё сильнее набила под глазами такие шишки и синяки, перешедшие на виски, что к вечеру до невозможности разболелась голова, поднялась температура до сорока одного градуса. Пришлось срочно вызывать неотложку, везти в больницу. На замызганной кровати в темноте и в одиночестве ей стало совсем плохо, у неё начался бред, и на два дня она ушла в кому.

Тогда – возбудили уголовное дело, ведь всем она сказала, что её хотел изнасиловать мужик двадцати пяти лет из соседнего дома. Он бежал за ней от кинотеатра через всю улицу, нагнал в парке, наверное, нарочно туда загонял и хотел, чтобы она согласилась по собственной воле. Она отказала ему и тогда он сильно её избил. А что ей оставалось делать, ведь не могла же она сказать, что набила морду себе сама, чтобы привлечь положение до безрассудности нравившегося ей мальчика. Ромка тогда вообще презирать её станет, на одной галактике даже в сортире не засядет, не то, что хоть взглядом не одарит. Мать того двадцатипятилетнего мужика приходила к ней, падала на колени, чтобы простила сына. Мама Анжелы тогда была дома, она так накричала на женщину, так раздухарилась, что схватила на кухне нож и замахнулась на несчастную, перед тем как вытолкнуть за дверь.

Что с тем двадцатипятилетним мужчиной стало – Ангел не знала, её оградили от всего этого кошмара, ведь у неё после комы начались видения. Конечно, никакие призраки к ней не приходили, и живые мёртвые к ней не являлись, ей просто хотелось напустить на всех жути, и лишь только для одного гада, чтобы Ромка хоть какое-то внимание ей подарил.

Анжела смотрелась в зеркало, уныло улыбнулась, показала себе язык и, вытянув к зеркалу руку, показала фак, полотенце с неё свалилось. Она застыдилась и машинально прикрыла рукой подросшие за последний год груди, нагнулась, чтобы поднять утиральник,

взгляд приковался к собственному нагому телу, и она застыла. Пару минут Ангел стояла в такой позе, более внимательно изучала себя. Боже, боже, а не прекрасна ли она? Да, да, там в зазеркалье, ведь она просто – нет, нет, не просто – она безмерно хороша. Она – божественный шедевр! Чёрт вас всех подери, она бесконечно, безгранично, беспредельно – потрясающая! Медленно Анжела приблизилась к зеркалу, так что глаза – безумно красивые глаза! – свелись смешно в кучу. И даже в этом «смешно» светилась ненаглядная красота: и в этих веснушках, и в этих густых ненавистных ей огненных волосах, и в этих слегка оттопыренных ушках с дешёвыми пластмассовыми клипсами. Она провела пальцем по мелким золотым пятнышкам на носу, осознавая, что они не отталкивают, а даже наоборот – притягивают. Она одарила себя улыбкой – наконец-то она одарила себя счастливой улыбкой. И вовсе она не гадкий утёнок. Она – великолепно! Бесподобна!

– Ромка, теперь я заставлю тебя нести мой ранец. Куплю высокие туфли и загоню тебя под них, как гоблина под Эйфелеву башню, чтобы раскачивать – мешать картавым французам киношки смотреть. Сволочь, будешь в колокола над Россией звонить – колокольным звуком микробов убивать. Библию будешь наизусть заучивать – ни один стих ведь не можешь выучить. И не ты теперь в одной галактике со мной не сядешь ср... есть мороженое, это я подумаю – а позволить ли.

Но когда Анжелика пришла в школу, корона быстро слетела с чела. Потом она про себя уныло скажет: кривая кособокая корона на боку башки, как у пьяной королевы опившейся самогонки до беспредела. В класс Анжела вошла – задрал нос, старалась не обращать внимания на Романа. Нинка Серенькая, считавшаяся самой красивой в классе, неслась с занесённой над головой книжкой за Ромкой, собираясь огреть дурака по башке: тот задрал ей юбку при всём классе и хлопнул ладонью по заднице. Несясь от разгневанной «мисс класса» Роман столкнулся с Анжелой, ногой зацепился за её туфли и, едва не свернув шею, влетел головой в классную доску, где размашисто сверху донизу белым по чёрному написано: «ДУША, СОСИ ХЕР У ДЬЯВОЛА!»

Ребята наблюдавшие за погоней Нинки и Ромки издали возгласы одобрения и захлопали в ладоши. Нина встала над его головой, расставила ноги, сделала непонятный жест: хотя все поняли, что Роман повержен и Нинка помочилась на него. И небрежно, с видом превосходства, кинула книгу ему на пузо. Разгорячённый Роман вскочил на ноги, лицо побагровело от ушей до шеи, там, где начинался ворот рубахи, подскочил к Анжеле и оттолкнул в плечи, крикнул:

– Овца!

Вот вниманием одарил-то! Анжела опустила глаза, прошла дальше в класс и села за парту. Нет у неё никакой красоты, и эти коричневые веснушки... как будто обгадили косяком пролетающие птицы в летние края: им в лето, а тут... всё в морозе пребываешь. И эти рыжие волосы... совсем не блондинка, и такие густые, что не расчешешь, грива половину неба закрывает. У Нинки три пакли блёклые болтаются и самой красивой кличут. А тут... И вообще – худая плоскодонка с кривыми икрами.

– Что ты на неё?.. – заступился Александр. Да, этому мальчику она нравится, иногда ласково Жулиной зовёт, или Ангелом, но только на фига он ей сдался. Полный отстой. Любитель сингулярности, трансгуманизма и звёздной астрономии. Шахматист, компьютерщик, всё в игрушки рубится, гоблинов и орков по монитору гоняет, даже на соревнования ездит, одним словом – ботаник, совсем не герой.

Ромка оттолкнул Нинку, пнул книжку, которая через весь класс улетела к другой стене.

Раздув губы, напыщенный как «захимиченный» качок после спортзала, он прошёл к своей парте и уселся на стул, опустил голову на локти, злобно начал наблюдать за всеми исподлобья. И всё же иногда он косился глазами на Анжелу. Она видела это и думала, что мальчик продолжает злиться, ещё больше осунулась, опустила плечи и сникла головой, увяла как светлюбивый цветок без красного солнышка. Так ей было обидно: взял, гад, назвал при всём классе овцой. Так сильно захотелось заплакать. Как же так, дома в зеркале она созерцала свою красоту, она увидела, что не хуже других, а даже лучше многих – и что? В нём нет ни одного лучика для неё? Чёрт, ведь она же девочка, чтобы так грубо толкнуть и обозвать.

Урок давно начался, а в голове Анжелы бушевали разногласия: хороша она или нет, хоть немного смазливая или всё же – несчастное квазимодо. Не разъяснив для себя ситуацию – внутренний разводящий не опроверг ни то и ни другое, – накрутив себе мозги и кипя, как Везувий, оставаясь под вопросом – так овца она или всё же цветок, Анжела встала из-за парты, сняла туфли и босиком прошлёпала по классу.

Ах, овца!

Учитель, молодой мужчина, но уже плешивый, вечно с насморком и красным шмыгающим носом, замер с указкой в кулаке, молча проводил её равнодушными глазами, вопрошающими усталым взглядом: «Ну что ещё?»

Анжела подошла к Роману и застыла.

Ромка, раскрыв глаза как луна в полном показе, прохлопал ресницами и нервно потряс головой.

– Тебе чего? – спросил он тихим остерегающимся голосом.

Виртуозным движением классического танца, как научили в школе балета, Анжела проделала фуэте – влупила любимому однокласснику голенью в челюсть. Роман закатил глаза и свалился ей под ноги.

«Гад, я всё равно буду твоей. Даже – овцой».

Анжела обернулась, несмелая застенчивая улыбка отобразилась на её лице. Медленно, поначалу редкими хлопками, набирая обороты, класс заплодировал. И Анжелика возвысилась в собственных глазах – намертво.

Через неделю, прячась от не вовремя пришедшей с работы мамы, которая должна была прийти вечером в десять часов, Анжела и Роман выпрыгивали из окна первого этажа, где уже год снимали квартиру, совершенно голые, прикрывались одеждами в руках, босиком сбивали ноги об шершавый асфальт под окнами и радостно хохотали. Мать кричала грозным голосом, чтобы остановились, чтобы не позорились и не позорили её. А Роману – мама грозила, перед тем как посадить, отрезать все его тщедушные причиндалы самым большим кухонным ножом в мире. Они хохотали, мчались под высокими кустами сирени, сверкая пятками и задницами, весна плескалась ярким солнцем, и им двоим в этом мире, существующем только для них, было на всё и на всех начхать. Но ничего особого Анжелика не позволила Роману, дальше ласк руками и ртами – дело ни разу не дошло.

Анжела пришла домой, остерегаясь взбучки матери. Но, кроме редких тараканов, лишь маячила глухая тишина. Ангел села на диван и, улыбаясь, задумалась. Оказалось – этот козлёнок Рома просто выпендривался, а сам сох по ней как прошлогоднее дерьмо на ветру, видя, как она старается перед ним «на шее вздёрнуться». И ходил семь лет петухом её игнорируя. Его значимость в её жизни – таяла на глазах. Он становился ей неинтересен.

Ещё через неделю любовь Анжелы – или просто нравился? – к Роману полностью

остыла. Ей были противны его визгливые выкрики, напоминавшие свинячьи в самый неподходящий момент на кровати, его тянущиеся слюни с широко открытых губ доводили до омерзительного содрогания. Теперь он не казался ей таким красивым, лихим парнем – лишь слюнявый визгливый щенок. И она сказала ему это уже на десятый день. И вся его напыщенная уверенность, горделивость и даже чувство превосходства согнулись как цветок под тяжёлым сапогом великана. Анжела видела его «раздавленность»: Роман обиженно часто моргал, не верил и не знал, что ответить. И ей – это нравилось. Анжелика вытолкала его за дверь, взглядом презрения стрельнула в спину, словно обдала помоями. До восемнадцати лет у Анжелы больше никого не было.

Но в третий день совершеннолетия Ангелу словно прорвало: на дне рождения бывшей одноклассницы она познакомилась с мужчиной старше на десять лет, потом с его другом, потом с другом друга и пошло-поехало. Ей нравилось иметь много, разных возрастов преуспевающих любовников, гулять в шикарных ресторанах, принимать дорогие подарки и она – обожала секс. Один как-то спросил её: что тебе не хватает – быть и любить одного мужчину? Ведь тебе предлагали кольцо и сердце – звали замуж.

– Потому что вы разные, – ответила Анжела.

И он понял, что именно – она под словом «разные» подразумевала. Обычная шлюха, у которой не в меру свербит в промежности, и мечта лелеет в своей кровати иметь разнокалиберные члены.

Не помешало Анжеле вести разгульную жизнь и всю беременность. Мать сидела с её дочкой, ухаживала, даже пару раз возила в Египет и Турцию на свои деньги, пока не случилась трагедия.

Однажды мать мучилась головной болью – выпила алкоголь и таблетки от головной боли, заснула в ванной и захлебнулась. И вот только тогда на кладбище, похоронив мать, Анжела осознала, что больше у неё никого нет, больше не к кому обратиться за помощью. И что она не хочет, чтобы дочь выросла с ложным пониманием мира как когда-то она сама. Мать много работала и упустила её воспитание. И Анжела не желала такое дочери.

Но с маленькой дочкой на руках она никому была не нужна. Помыкавшись, бросаясь из крайности в крайность от одного богатого старика к другому, Анжела совсем отчаялась, плюнула на всё и решила жить одна. Стать бизнесвумен. Открыть своё коммерческое предприятие. Она назанимала денег под невероятно крупные проценты и, естественно, прогорела. И тогда за долги, росшие непомерно и выросшие до кабальных величин, мутные люди предложили ей, дабы оставить в живых и себя и дочь, отдать девочку навсегда.

В лютую морозную ночь под осатаневшим небом Анжела спрыгнула с лестницы, спускающейся с крыши пятиэтажного дома, и побрела с пятилетней дочкой куда глаза глядят, преодолевая шквальный ветер и ледяной снег. Их долго сопровождали фары чёрного «гелендвагена», пока, вконец обессилив она свалилась в заснеженный кювет на дороге далеко за городом. Анжела подмяла дочь под себя, стараясь напоследок согреть её своим телом, и простилась с жизнью, засыпая вечным сном под громкий вой пурги. Очнулась она в тёплом салоне машины – перед её взором блестели добром глаза Потапа. И дочка жива.

А потом – а потом началось счастье. И Анжела настолько полюбила Потапа, что, однажды предавшись фантазиям и доведя себя рукой до умопомрачительного экстаза, устыдилась, загрызла себя мученическими мыслями о предательстве и неверности мужу – кухонным ножом вскрыла себе вены. Но...

Но, возможно, не только томительный порыв сладких воображений привёл к кровавому

поступку. У Анжелы была тайна, которая непрестанно губило её душу.

Альберт ковырнул ножом распаренный перец чили со стейка, отложил вилку, вытянулся на стуле, одну ладонь упокоил на животе, в другую взял бокал с вином. Ленивый умиротворённый взгляд осмотрел присутствующих гостей.

Друг семьи, следовательно, никак не хотел расставаться с «Пентаксом»: откладывал фотоаппарат на тумбу за спиной, выпивал рюмку водки и снова тянулся за любимой игрушкой, осыпая вспышками не только свою жену, но и всех гостей.

«Дорвался, бедняга, до забавы».

– Паш, у меня скоро глаза сами сверкать начнут от твоей камеры и её вспышек, – запротестовала Ника, пальцами отвела от себя наведённый объектив. – Прекрати. Уже фотографии дома некуда распихивать.

Лучший друг Потапа, Данила Вермут, как-то утончённо разводил пальцами по воздуху, во что-то посвящал любовницу, широкая довольная улыбка не сходила с его лица. Иногда, наверное, забываясь, он тренькал пальцем по платю на её груди в том месте, где должен скрываться сосок. Понаблюдав за ними, Альберт улыбнулся: эта любовница не только Даниила. Она ещё «секретутка» Потапа. На двоих, Даниил и Потап, купили и оборудовали квартиру и чердак под двухэтажный лофт. И в те неопишуемые моменты, когда первый выписывал маслом живописные картины на холсте, внося свой непревзойдённый, как ему казалось, колорит, второй с секретаршей Риммой изнемогал, сплетаясь разнообразными позами из-под стрел Амура перед счастливым и намётанным взором художника. Что-то вспомнив, Альберт ухмыльнулся и покачал головой: сам там был неоднократно. Да, Римма хороша, весьма хороша, и если бы была элитной индивидуалкой, то не жалко кинуть ей на кровать тыщонку баксов за пару часиков. Не из-за жадности, но не более.

Альберт медленно отпил вино, смакуя терпкий вкус, кисловатый и слегка отдающий жжёным сахаром, закинул в рот маслину, покосился глазами на Максим, но его увлёк мелодичный голосок Аниты, и он перевёл взгляд. «Да-а, и откуда же вы таких красивых баб, как на подбор взяли? Хотя немудрено с такими-то деньжищами». Правда, Альберт прекрасно всех знал – кто и откуда. Да и такие «фешенебельные» кобылки знают свою красоту, чувствуют себя богинями и на меньшее, естественно, не согласны. И сами ищут, находят и намертво цепляются зубами и виснут, не отпуская, разными путями, изощряясь, женят на себе богатых дураков. А потом оттяпывают половину непосильно нажитого, а то и всё. Модные устои, перевёрнутые, извращённые добродетели нынешнего времени. И это – прекрасно!

У Аниты проглядывались черты восточной внешности – лёгкие азиатские наплывы в уголках на широких глазах. Но только глаза и напоминали о генофонде популяции Азии. Благоприятной милой двадцатипятилетней девчушкой с убаюкивающим голоском она только казалась. Ангельский образок, невинная куколка, желающая себе и всем счастья; ясные глаза блистали вселюбящим божеством на благообразном личике. И, да – хороша и, да – прекрасна: во всём! Не считая одного: ради того, чтобы женить на себе Богдана, она зарезала и закопала на дачном участке собственного младенца. Злосчастливого мужа, не успевшего насытиться радостью к новорождённому, она объявила виновным в пропаже ребёнка из коляски, когда сама с ним гуляла. Он – не помнил, когда просила! – не зашёл в магазин за памперсами и сметаной, когда шёл с ночной смены домой, и ей пришлось самой переться в универсам,

оставив ребёнка в детской колясочке без присмотра. Несчастливого мужа, который теперь спился и валялся на тротуарах как конченная облёванная свинья, она, не раздумывая, оставила.

Альберт некоторое время изучал лицо Аниты, поглаживая свой лоб пальцами. Изучал вдумчиво с полуприкрытыми глазами. Ни одна душа об этом не знает. Ни одна, кроме него. И её, естественно. Он навёл о ней справки, отрыл всю подноготную, и даже больше: его секретная служба по его велению откапывала всё и на всех. И сейчас не время раскрывать всем суть Аниты. В планах на долгую перспективу она ещё будет нужна, и тогда он выложит перед ней компромат, напомнит о погубленной жизни собственного ребёнка. И она будет делать то, что он скажет. Безапелляционно.

Анита будто прочла его мысли, остановила на нём взгляд и, замолчав, на мгновение замерла. Альберт улыбнулся и добродушно кивнул. Ангелок Анита ответила взаимностью и продолжила весёлый разговор с Богданом и, вновь схватившимся за фотоаппарат и поливающим вспышками окружающих, Павлом.

«Щебечи, щебечи пташка».

Альберт собирался налить ещё вина, выпить и пойти на улицу, чтобы выкурить сигару. Он потянулся к бутылке и наткнулся на оценивающие глаза Максим. Перед ней на столе лежал блокнот, пальцы ритмично постукивали по чёрному листу, где красным небрежным почерком написано: «НЕРВЫ». Рядом – дорожный аудиоплеер с наушниками-капельками и айфон. Взгляд Максим явно больше, чем оценивающий, какой-то щипающий, прямой, но в глубине осуждающий, клюющий, только не так, как стервятник падаль, а как шавочка тьявкающая на слона. И это не понравилось Альберту. Даже её роль – шавки.

– Тебе уже восемнадцать? – спросил Профессор.

– Угу, месяц как, – ответила Максим.

– Извини, что не смог быть на твоём совершеннолетию.

Они смотрели друг на друга, словно состязались – кто кого переглядит. Или, скорее всего, кто кого опустит ниже дна. Альберт не стал дольше принимать дерзновенный молчаливый выпад Макс, а начал созерцать изящные изгибы её тела, вытаскивая зигзаги её души.

Он повёл глазами по чёрной с глубоким декольте блузке. Шея Максим повязана свёрнутым платком с кроваво-красными и чёрными розами, причёска каре чёрных волос ниспадала до плеч, губы в чёрной помаде с красными окаёмками. «Всё чёрное. Да, лишь глаза как у матери, в которых не приведи господь отплыть от берега, горизонта уже не увидишь. Только светло-синие. Огромные». Альберт пристально всмотрелся в область глубоко разреза блузки, где пролегла тень ложбинки упругой молодой груди, и аж – слегка – вытянул шею. Максим засмушалась, постаралась несмелыми движениями пальцев прикрыться, но опомнилась и положила ладонь на аудиоплеер, намеренно глубоко вздохнула, приподняла грудь.

От взгляда Альберта не ускользнуло замешательство Максим, и он ядовито усмехнулся. Нет, не ложбинка и нежнейшее белоснежное тело привлекли его внимание, а горжет в очень уменьшенной копии, свисающий на золотой цепи, такой как был у гитлеровской жандармерии. Но и не сама бляха его заинтересовала, а то, что выбито на ней – по центру грааль овитый, словно змеями, розой и лилией. И в чаше этого кубка тонул глобус с территорией Руси, над которым с востока и запада склонились головами два цветка-змея. А под ним размашисто, крупными цифрами – 666.

– Откуда это у тебя? – спросил Альберт.

– Что? – не поняла Максим.

– Ну вот, то, что на груди?

– А, это? – она воткнула в ухо наушник, тяжёлый вздох кричал: «Надоел уже этот профессор!» – Когда въехали сюда, Потап, то есть, отец нашёл, где-то в подвале. И отдал мне, подарил.

Альберт помолчал, не сводя взгляда с блестящей золотом бляхи на груди Максим. Он достал из внутреннего кармана пиджака сигару, провёл перед носом и аккуратно, чуть ли не любя, положил возле бокала. Золотую гильотинку достал из нагрудного кармана и положил рядом.

– А что на нём изображено и написано, знаешь? Три шестёрки... дьявольщиной увлекаешься? Вампирами всякими?

Максим не ответила, лишь пожала плечами, собираясь вставить в ухо второй наушник.

– Подожди. А что обозначают три шестёрки, знаешь?

– Что-то типа, число дьявола. – Странно, но Макс показалось, что увидела на лице Профессора выдох облегчения. – Нет?.. Или нет?

– Нет. Это всего лишь... – Он подался вперёд, и снова его глаза прилипли к горжету. – Смотри, шестьсот шестьдесят шесть. Берём первую цифру, считаем сколько в ней букв, восемь, и ищем какая буква в алфавите под этим числом. И так с другими двумя. Вот и только что означает это число.

– Ну-ка, сейчас. – Максим зашевелила губами, завела под лоб глазные яблоки, натянув на лице слабую улыбку. – А-а, и всё? – подсчитала она. – Так это и вы тоже, и вас касается.

– Не совсем. Я ведь занимаюсь благотворительностью.

– Ну... да, – сказала Максим, но её тон говорил об обратном: «Мне можешь не рассказывать свои сказки». Она всё же воткнула в уши оба наушника.

Глаза Альберта скользнули по горжету, и он подбородком указал на аудиоплеер, спросил:

– Какую музыку слушаешь?

Максим недовольно – вот допарился – сняла наушники.

– Кого слушаешь? – ещё раз спросил Альберт.

– Визин Темптейшн, Фастер, – ответила раздражённо Максим. – Знаете такую?

– И о чём поёт?

– Что не может жить в сказке, построенной на лжи.

– Разве это музыка готов?

– Мы что хотим, то и слушаем. А вы разбираетесь в музыке готов?

– Нет.

– Тогда зачем лишние вопросы? Хотите показать свою компетентность? Значимость? Или унижить желаете, продемонстрировать, что знаете больше, чем оппонент? – Гневное лицо Максим стало настолько красивое, что Профессор невольно замер в грязенькой грёзе.

– Не оппонент... – Желваки играли на его лице, ледяной взгляд уничтожал, но слабая лукавая улыбка не сходила с губ. – Ты не оппонент. Ты прекрасная молодая девушка, впитывающая, или, скорее всего, впитавшая ложное представление об этом мире.

– Учить будете. Типа... муж, рожать детей, девственницей погибать? Хороводы водить и хлеба печь? Умирать в один день...

– Нет, что ты, деточка, ни в коем случае, ни в коем случае. Мне нравятся

индивидуалисты, вроде тебя. Без таких... – «Клоунов» – мир был бы скушен. Без таких... – «Моральных уродов и извращённых неформалов» – не было бы войн. Ведь агрессия и драматизм, насилие и войны – двигатель прогресса нынешнего мира. Не так ли, ты же так считаешь? Ведь это же прекрасно, Макс?

– Не плохо, – ответила Максим. Подумав, или сделав вид, что подумав, она ещё раз ответила:

– Да, думаю, такое прекрасно. Думаю, наш мир не плох.

Альберт растянулся в улыбке. Это он и хотел услышать.

– На английском поют? На итальянском, испанском? – поинтересовался он.

– Английский.

– На своём песни не слушаешь?

– Не модный.

– А как же... могучий и великий? Куда делось его величие?

Максим уловила явное ехидство и безмерное удовлетворение в его глазах и тоне. Но ей было безразлично, что он сеет, какие идеи подаёт, и, не понятно, для чего затеял весь этот разговор.

Или так казалось, что ей безразлично.

– Берегите чистоту языка как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас. Эти слова, Тургенева, тебе ничего не рассказывают?

– На земле жить, так и на марс не сигануть? Глупо довольствоваться единым. Стараюсь быть разносторонней, многоуровневой, меня интересует многое и разное. Да и полмира на английском говорит. – Максим помолчала. – А русский язык гибнет. Его скоро совсем добьют. Так что переходим на новый уровень. Глобализм. Трансгуманизм. И... – Она улыбнулась, игриво закатив глазки. – Вампиризм. – Но на самом деле Макс очень и даже очень так не считала.

«И обратно в феодальный кандализм. – Альберт усмехнулся. – Овцам остаётся лишь бляеть. Кесарю – кесарево...»

И вновь увидела Максим в глазах Профессора нескрываемую благоговейную радость от её слов, словно сказанное ею не золото, но платина, словно о сказанном ею, он радел как о собственных капиталах, словно отвеченное ею – обожествляло, возжигало храм. Восполняло рай. Его – рай.

– Можно поинтересоваться, что рисуешь? – Альберт указал пальцем на блокнот размером почти как школьный альбом для рисования. – Твоя мама говорила, что ты талант, у тебя природная одарённость к искусству.

– Пожалуйста. – Максим протянула свои рисунки и замерла, чтобы получить удовольствие, созерцая его реакцию от просмотренного. Профессор открыл первый лист. Она заметила, как на его лице дёрнулась голубая жилка под глазом. – Как? Что скажите? Оценили?

Образ офицера нацистской армии – лицо в виде черепа, обтянутого тёмно-серой кожей, кисть руки, извитая крупными венами, держалась за козырёк фуражки на голове, на рукаве военной формы чёрная свастика в белом круге на красном фоне. Внизу красными и чёрными чернилами: «МОЙ БОЕЦ».

Альберт перевернул лист. Похожий облик – лицо-черепа с обтянутой кожей, на голове чёрный берет с широкой красной полосой, под камуфлированной формой бугрятся мышцы,

мощный кулак с кастетом пробивает висок чужому солдату-скелету в чёрной одежде. Под рисунком подписано: «БЕРЕТ БЕЛОЙ СМЕРТИ». Альберт небрежно и с лёгкой неприязнью пролистал пальцем альбом и вернул Максим:

– Разве не твои деды погибали?

– Я играю – в собственную игру, – в тоне Максим звучал металл, глаза будто остекленели, веки слегка прикрылись. – Это было давно, время всё стёрло и сгладило. И вообще, войну выиграла Америка.

– О, да. – Альберт покачал головой. – Наверное, и майн кампф почитываешь? Раз свастика интересует. Смотрю, везде в картинках присутствует. Сделал вывод.

– Нет, не почитываю, не знаю, что это, но спасибо за инфу, поинтересуюсь в инете, что за дрянь. Возможно, что-то интересное для себя и выужу.

– А скелета в берете, где написано – берет смерти, сама выдумала или где-то подсмотрела?

– Берет смерти, это человек со сверхспособностями. – О большем значении картины, если оно и было, отвечать Максим не намеревалась. Она поднялась со стула, взяла альбом, аудиоплеер, чёрный айфон с золотыми боками, где под глазком камеры красными маслянистыми буквами написано: «ПРОЩАЙ ДУША», – и собралась уходить.

– И мама не ругает тебя за такие картины?

– Она души во мне не чаёт. И я уже взрослая девочка.

Альберт глазами довёл Максим до её комнаты на втором этаже, последнюю в левом конце, где в углу стен могучий атлант держал расписанный фресками и золотом потолок.

«Интересно, сколько ни разглядывал скульптур, у многих, очень у многих отбиты носы. И кто же тот грешный, который поотбивал сопатки всем этим атлантам, кентаврам и Гераклам? Истина прописана – пока мудрый собирает знания, хитрый крадёт его разум. Мудрый – у кого сила и правда, хитрый – у кого в руках богатства и бог. И третьего нет. – Он усмехнулся. – Третьего убили». Альберт взял со стола сигару и встал со стула. Проходя по ковру гостиной, он махнул двумя пальцами Даниилу, что-то упорно объяснявшему Павлу. Вероника и Анита мило беседовали и хохотали. Богдан ложкой уплетал чёрную икру и запивал вином. Святой папа с огромного холста грозно, но милостиво взирал на трапезничающих.

Альберт вспомнил фильм «Призрак дома на холме», увидел сие произведение случайно, ещё не хватало убивать время «дешёвым» американским кинематографом, а уж слово телевизор в его словаре и вовсе не существовало. Всё это голубоглазое стеклянное вымя для масс, люда, толпы. В фильме его внимания обратил вид грозного папаши, почему и запомнил название фильма, возвеличивавшимся на громадном холсте над широкой лестницей, чем-то походил на священника с портрета в этом доме. Всё намеревался спросить у Анжелы, что он для них значит. Насколько помнил и знал, похожих родственников у этой семьи нет. Насколько помнил, и в прошлом этого дома – тоже.

Альберт ещё раз осмотрел гостей за столом, перевёл глаза на портрет и что-то ему подсказало – будь внимателен. И Профессор в сотый раз повёл глазами по холсту. Обшитая золотом высокая католическая митра с огромным масонским знаком «G». Альберт усмехнулся: «Осталось к букве пририсовать огонёк, и святой отец станет владельцем Газпрома». Кроваво-багровая бархатная накидка на плечах с белыми оборками, под ней вороного цвета халат или сутана. Поверх всего накинута лента с замысловатыми вышивками. Профессор определил этот трёхметровый портрет – как шедевр. Кракелюр, или паутинки

красочного слоя, наверное, делали специально, предавали картине старинность. Альберт знал все до одной картины знаменитых художников, даже те, которые прячутся в секретных запасниках и в личных коллекциях. Но об этой никогда не слышал, хотя исполнена она – шедевром.

Ну и всё, казалось бы, можно остановиться – великолепная работа безызвестного мастера. Но, этот священник с ехидной ухмылкой тыкал в вас пальцем, куда бы вы ни шли, и это ощущалось даже повёрнутым к нему затылком. Второй рукой он крестил вас как славяне старoverы, а вместо креста на груди висела молния.

А перуница и масонский знак как-то не стыковались в понимании Альберта.

Альберт присел подле аппаратуры. Анжела так и не поменяла Шопена на Дебюсси. И усилитель и сиди-проигрыватель – «Хегель». Профессор повернул матовую чёрную ручку усилителя; указательный палец сверкнул золотом печатки от настенного светильника, нажал кнопку привода: диска не оказалось. Альберт выпрямил спину и защёлкал пальцем по экрану планшета, прикреплённого к стене, чтобы найти нужную композицию.

– Да, с такими богатствами могли бы и получше аппаратурой обзавестись.

Сам Альберт тратил непомерные суммы на аппаратуру, во всех комнатах, спальнях и офисах у него стояло по несколько колонок, усилителей и разных проигрывателей – от сетевых до виниловых. Он менял стеклянные тумбы, переставлял. Покупал одни колонки, через некоторое время оказывалось не то, бежал приобретать другие, а даже если всё устраивало, всё равно покупал, покупал и покупал. В главной зале его дома стояло восемь разнообразных акустических систем: и широкие, и мощные как гробы, и узкие напольные, и дорожные на подставках. До дрожи в руках, коленях, зубах и челюстях он всегда искал звук. Казалось, ну наконец-то! Нашёл! Проходило время и чего-то снова не хватало. Хотя три комнаты благоговели очень дорогой ламповой техникой. Краше звучания музыки в этом мире только женские изгибы, после созерцания которых, понимаешь, вряд ли бог создавал и создаст, что-то более прекрасное. А, да! И ещё сигары.

Кроме некоторых альбомов Пинк Флойд, тяжёлых рок-баллад на английском, Профессор слушал только классику, в том числе в различных современных вариациях. Его взгляд на секунду задержался на снимке в тонкой рамке, запечатлевшем знаменитым фотографом в узких кругах из Швейцарии. Эта фигура, эти изгибы сотворены лично для Потапа. Прекрасное женское тело без головы, рук и ног – фото исполнено как с Венеры Милосской. И Профессору почему-то думалось, что тело перед его взором принадлежит Анжелике.

– Да, весьма, весьма желалось бы посозерцать. – Глаза бесстыже внимательно рассмотрели выделяющийся от загара треугольник над сомкнутыми бёдрами. – Иногда жизнь преподносит такие приятные неожиданности. Правда, эти неожиданности желательно подталкивать самому. Очень уверенно подталкивать. – Профессор довольно усмехнулся, чмокнул губами и направился к входным дверям.

Альберт прикрыл веки и глубоко через нос наполнил лёгкие свежим майским воздухом: букетом из молодой пахучей зелени и недавно распустившихся деревьев. Губы сквозь умиротворённую улыбку сжали сигару из натурального гаванского табака. Некоторое время Профессор стоял, широко расставив туфли, курил, благожелательно созерцал округу и совершенно ни о чём не думал, лишь медленно моргал. Ещё вдалеке справа с пологого спуска он увидел мотоциклы. Их рёвы, пока ещё глухие, медленно приближались, над ними парила тень от густых белых облаков. Альберт поморщил переносицу, вспомнив, как его брат разбился молодым, как горько рыдала мать на похоронах, заявив, что она его воскресит. А через три дня умерла сама.

Профессор вздохнул, немного поникнув настроением, и осмотрелся, решая, обо что затушить сигару. Мраморная урна, а точнее, античная ваза для цветов, наполнена разными веточками, разноцветными фантиками и смятыми бумажками. Альберт хмыкнул, качнув

головой, раздавил кончик сигары о каблук туфля. Сдавленный обрубок сигары упал в мусор. Профессор взялся за ручку – мощное кольцо в пасти льва – и перед тем, как ступить и окружить себя богатством дома оглянулся: с левой стороны дороги шёл человек медленной походкой, пошатываясь, будто бы не двигался, а топтался на месте. В мыслях Альберта промелькнуло, что какой-то ходячий мертвец вынырнул из посадок, близкорасположенных от элитного посёлка, но более значения не придал. Профессор переступил порог и погрузился в слабый мягкий полумрак, не посчитав нужным крутануть ручку замка двери, странная самоуверенность, если считать, что никакой охраны – нет.

С правой стороны от лестницы зазвенел смех. Альберт приподнял брови и остановился. Спускались Максим и Диана. Родные сёстры обнялись. Макс рассказывала – Диана мило улыбалась и внимательно слушала. Максим поймала оценивающий и восхищённый взгляд Профессора и задержала небесного цвета глаза на его лице – больше, чем полагалось. Губы профессора тронула лёгкая самодовольная улыбка.

«Поменяла гардероб. На фоне всего чёрного – сияние светло-голубых глаз смотрятся как луч света в непроглядном мраке». Альберт оценил новый прикид Максим: чёрная кожаная рокерская куртка с обилием серебристых клёпок, шипов и молний, накинута поверх чёрно-багровой футболки с лицом Шарон ден Адель; чёрная кожаная юбка, настолько короткая, что чёрный кружевной уголок трусиков мелькал при схождении со ступеней; до безумия красивые точёные ноги, мышцы которых поигрывали над коленями – видно, посещает фитнес-клуб или спортзал. Во рту Альберта пересохло: вот она молодость, вот она – грешная красота! Губы Максим горели под чёрным блеском помады, симметричные проколы с двух сторон в нижней губе и по кольцу в каждом. «Когда сидели за столом – колец не видал. Вставила недавно, в своей комнате. Настоящая хищница!»

– Альберт! – Диана помахала ему ладонью, играя пальчиками. В возгласе девочки прозвучала неподдельная радость. Профессор учтиво слегка склонил голову: типа играя в раба и госпожу. Максим покосилась на сестру, не одобряя её такую искреннюю теплоту.

– Что не выходила к столу, наша принцесса? – спросил Альберт.

– Немного хандрила. – Диана сошла с последней ступени: он наклонился, и она поцеловала его в щёку.

– Рра-у, – тихо вскрикнула Максим голосом как дикая кошечка, вскинув ладонь перед лицом Профессора, изображая царапающий жест. От неожиданности он отшатнулся, но успел заметить в её руке жестокий багх-накх.

– Зачем тебе эти когти? – поинтересовался Альберт.

– Для таких, как вы, – ответила Максим. Увидев, как покрываются тьмой его глаза, она поняла, про что он подумал и поспешила растолковать. – Таким как вы, я имею в виду, таким старичкам, которые пускают слюнявые взгляды при виде молодой красоточки.

Взгляд Профессора потеплел, но на высказанное из личной философии Максим о мужчинах его возраста, предпочёл промолчать. Он пропустил Диану к столу и нервно посмотрел на верх лестницы. Старинное зеркало в вычурной бронзовой раме от пола до потолка ответило лишь безжизненным пространством зазеркалья.

– Долго твои мама и папа решают свои семейные формальности. – Альберт провёл ладонью по волосам Дианы.

– Потап мне не отец. – Максим приблизилась к нему вплотную и подняла лицо, нарочно дразня, давая получше рассмотреть свою расцвётшую молодость. – Мои пленительные очи, – произнесла Максим, сдерживая улыбку. – Как, а?

– Да... – задумчиво произнёс Альберт. – В ладонях с жалом скорпиона. – Он посмотрел на её грудь: золотая бляха с тремя шестёрками находилась всё там же. – Не нужно ли было поменять этот кулон на перевёрнутый крест?

– Думаю, тогда уж лучше на свастику. – Макс поводи́ла подбородком.

Цокот каблуков, тени над головой Максим привлекли внимание Альберта, он поднял глаза на лестницу. Анжела, поправляя юбку, сходила по ступеням. Она широко ему улыбнулась: ослепительно белые ровные зубы, глаза – красивее, чем у старшей дочери. Он перевёл взгляд на Макс и требовал объяснений на свой же немой вопрос: «Если у неё глаза ослепительно преослепительно хороши, то какими репликами вознести очи матери?» Профессор вновь посмотрел на Анжелику.

– Обожаю твою улыбку, – тихим тоном прошелестел Альберт.

– Я тоже... её обожаю. – Анжела повела глазами. – Извини, забыла переставить музыку.

– Я давно сам всё исправил.

– Максим, ты уходишь? – спросила Анжелика. – Подожди. – Она ступила на паркет холла и обняла её за талию. – Пойдём ещё чуточку посидим, хочу кое-что тебе рассказать.

Макс вздохнула и нехотя кивнула:

– Пошли, мама.

– Потап сейчас спустится. – Анжела скользнула ладонью по рукаву пиджака Альберта. За десятилетнее знакомство это было первое внимание с её стороны. В первое время она сторонилась даже взглядов.

«Арктика тает, гибель начинается». Альберт, довольный, покачал головой и побил указательным пальцем по крылу правой ноздри.

2

Прислуга, две пожилые женщины в роли кухарок, которую нанимали в тяжёлые дни застолий, убрала грязную посуду и сервировала стол по новой. Данила и Римма любезно общались с Дианой. Павел притих со своим фотоаппаратом и апатично созерцал, вечно изменяющуюся во взглядах и диетах, вечно непостижимую жёнушку. Анита умилённо как маленького ребёнка кормила своего мужа чёрной икрой с ложечки, подносила к его губам бокал с вином и помогала влить: Богдан охал, держался за живот и, наверное, скоро лопнет или умрёт от отравления белками и алкоголя. Потап молча смаковал вино, держал ладонь на коленке жены и очень хорошо понимал поползновения мыслей Профессора, куда тот воспаряет. Альберт не сводил томных глаз с шепчущихся Анжелы и Максима.

Потапу очень нужен Альберт в личных интересах, но он не предполагал, что давно сам является наживкой – да какой! – для крючка Профессора. Как только они появились в доме, Потап сразу обратил внимание на любвеобильный интерес Альберта к его жене и установил камеры с микрофонами, которые мог видеть и слышать с любого конца мира: что, впрочем, он и делал из своего офиса. Также он мог просматривать из своего кабинета в доме, куда никто, даже жена, ни разу не входил. Но это ему было не нужно, ведь он же у себя, и поэтому в эти часы он не любовался женой через стеклянный глазок – никогда. Из дома он наблюдал за своим хозяйством и что творится в офисе и на фирме. Он знал все пароли подчинённых, и кто чем занимается и интересуется. И сделал для себя замечательное открытие, что все поголовно сношаются хлеще, чем кролики и львы, а самая большая паутина вовсе не интернет. Пока один бежит к любовнице, её муж мчит к его жене, а брат той несётся к его дочери. На их фирме такая любовная тенёта овила всех и становилась крепче после каждого корпоратива. Где Потап не поставил камеры так это в комнатах дочерей и туалетах. А вот

собственную ванну нашипиговал. Но как-то раз Анжелика случайно обнаружила микроскопический глазок, улыбнулась, наняла знакомого типа, профессионала, который нашёл и переустановил все камеры в их комнате как нужно ей. И теперь Анжела с удовольствием просматривала собственный секс с Потапом, записывающийся на её личный небольшой сервер в подвале. И с улыбкой мечтала, что лет через много они постареют, она выложит всё перед носом мужа. И они с удовольствием вспомнят прошлое.

Антикварные напольные часы чуть меньше Большого Бена в Лондоне, возвышались с правой стороны портрета «святого папы», горделиво отмерили время и громогласно пробили двенадцать раз. В лёгкий полумрак прихожей, сразу переходящей в высокий холл, ворвался блёклый уличный свет из открытой двери.

Рассеянным зрением, так как взглядом продолжал насыщаться Анжеликой и Максим, словно в дымке Альберт увидел медленно приближающуюся фигуру, но не обратил внимания, решив, что это женщина из прислуги. Остальные гости были заняты тем, для чего и были приглашены и собраны – наслаждались обществом друзей и обилием вкусной еды. Мир и покой в этом уютном и богатом доме пьяно восседали за столом.

Пошатывающаяся фигура подошла вплотную:

– А как вы... в моём доме? Почему вы здесь все сидите?!

Все обратились во внимание. Над столом нависло странное напряжение, будто что-то неведомое подготовилось к могучему, ухищрённому, безжалостному удару.

– Кто это? – прошептала Диана.

Лицо Альберта приняло выражение глубочайшего изумления. Он медленно извлёк из красной коробочки сигару и положил перед собой на край стола, достал гильотинку, обрезал кончик. Не сводя глаз с «пришельца», медленно вынул из бокового кармана пиджака спички, зажёл и прикурил.

В блеске паркета и персидских ковров, антикварного золота и кованой бронзы, хрусталя и шёлка на них глядели усталые воспалённые глаза на землистом лице с глубокими руслами морщин. Лицо, будто однажды в самый плохой день в него втёрли тщательно золу, выждали, когда кожа впитаёт, навечно задубенеет и, тогда, сжалившись, немного отбелили. Старое демисезонное пальто серое от пыли свисало как чехол от танка на вешалке. Спутанные пыльные волосы на голове и густой бороде прятали редкую седину. Жадный взгляд голодных глаз прошёлся по столу ломящегося от изысканных кушаний.

А ему бы обычного ржаного хлеба. Или даже – сухарь.

Бродяга облизал губы и трясущейся рукой указал на еду, потом, словно опомнился, одёрнул ладонь к телу и прижал к груди, тяжело сплотив, спросил:

– Извините, или... я ошибся? – его глаза непонимающе бегали по присутствующим. – Это не мой дом? Прошу, тогда скажите...

– Дно ходячее! – гневно произнесла Максим, её тон походил на яростное громкое шипение змеи. – Ты как сюда вошло, дно? – Она вскочила со стула, оттолкнула мужика. – Пошёл вон, бомжара конченный, из нашего дома. – Она ещё раз толкнула бродягу. Тот пятился, стреляя испуганными глазами по сторонам. – Ты что, бомж, века попутал, о каком доме ты здесь говоришь? Мозги напрочь пропил, немытая скотина?!

Неимоверная, захлёбывающаяся злость и жестокость Макс заморозили Альберта. Он выпустил изо рта густой клуб дыма, нервно затянулся вновь. «Вот она – вампир, вот она – стерва, рвущая свою падаль. Продолжай, деточка».

Из-за стола повыскакивали все.

«Все они пресыщенные жизнью, преуспевающие, тем или иным образом достигшие благополучия, все они сейчас есть стервятники, и вся их суть выплёскивается наружу. И суть их – падальщики, которые из-за трёхсот процентов прибыли пойдут на любое преступление, даже приносить в жертву и пить кровь собственных детей. Мир несовершенен, слишком несовершенен, и это... хорошо!» Альберт медленно прикрыл веки.

Они набросились с криками, руганью и похабной бранью, отвращение и презрение жили богами в их головах, в голосах звучала хищная ненависть.

«Мы все вместе ждём, когда мир усовершенствуется во тьме».

Бродяга отходил и отходил, ловил ртом воздух, будто хотел начать оправдываться, терял и забывал мысль. Он увидел Альберта, явившегося из мглы и, казалось, узнал и потянул к нему руку. Профессор опустил на секунду глаза, а когда поднял, бездомный уже не видел его.

– Вы простите меня. – Бродяга отгораживался от наседавших, выставляя руки в мольбе, иногда вздрагивал от грязного словца, как от пощёчины. – Но мне казалось... что я жил здесь... Но...

– Как ты мог здесь жить, обшарва? – вскинула брови Анжела. – Твоя мать тебя на помоях рожала. Верно, угорала в пьяном или наркотическом угаре на грязных простынях в борделях для таких же убогих, как и ты.

– Да выкиньте эту шваль наконец-то!.. – крикнула Максим умоляющим тоном, говорящим и вопрошающим: «Ну сколько это можно терпеть?» – Вали отсюда, кому сказали?!

Бездомный выискивал глазами стол.

– Что ты мнёшься, как нищий на подаянии. – Максим пихнула бродягу. – Иди, вернись к маме и трахни её за пачку махорки... Ей не привыкать. Хрен, злополучный.

– Не могли бы дать немного воды?.. – попросил бездомный, кадык жадно ходил по сухому горлу, глаза пронзали уныние, безнадёга и боль.

– Тебе дерьма похлепать может нужно! – крикнула Римма, осветив друзей развесёлым взглядом, ища поддержки смехом. – Засунуть в туалете в унитаз, пусть из толчка похлебает! – Она радостно толкнула в плечо Веронику. – Да? Скажи? Давайте засунем, пусть напьётся, может, козлёночком станет? Всё получше будет выглядеть. Хоть умоется.

– Тебя стучаться не учили? Как ты вообще зашёл? Как ты додумался... как посмел войти в чужой дом?.. В такой – дом?.. И тем более таким... отбросом? – Богдан развёл руками.

– Извините, в следующий раз буду стучаться, – ответил бродяга, отбиваясь глазами от наседавших. Никто не желал видеть его мольбы. Лишь Альберт заметил в затравленных глазах непомерный груз печали, но он не вмешивался и не останавливал.

«Интересно, глаза глубокие, проникновенные, умные и... красивые, спрятанные под тяжестью мук... известных... только...»

– Он будет в следующий раз стучаться. – Богдан обернулся на друзей. – Вы слышали, оборванец в следующий раз постучится. – Он повернулся к бродяге. – Отвечаешь, что постучишься? А?! Говори, что клянёшься, или я сейчас возьму... – Он поискал глазами, что бы мог предложить воткнуть, ничего не нашёл, увидел в руке Дианы перьевую ручку, выхватил и помахал у «злополучного» перед глазами. – Вот эту ручку сквозь глаз воткну в твой мозг.

– Я постучусь, постучусь, – уверял бродяга, пятясь в сторону лестницы. – Не надо, я всё понял, я обязательно постучусь. Мне бы воды, и я уйду.

– Вы слышали, и тогда он уйдёт. – Богдан взял его двумя пальцами за пуговицу на груди,

наигранной гримасой на лице выразил отвращение и оттянул. – А если не дадим, поселишься здесь на постоянку, – больше утверждал, чем спросил он и засмеялся. – Потап, твоей жене не нужен новый родственник? Или сосед по кроватям?

– Ну, я, конечно, понял про что ты. Это надо саму Анжелу спросить. – Потап повернулся к жене. – Нам не нужен третий ни лишний?

– Ага, нужен! – крикнула Ангел, психанув, стукнула ему по лбу. – Вот клянусь, именно о нём всю жизнь мечтала. Прямо, залюбáвиться.

– Слышь, чувачок, тебе повезло, ты, оказывается, в тему. – Богдан почтённо поклонился перед бродягой и указал руками, приглашая к столу жестом говорящим: «Раз такое дело, то за вашу анашу милости просим к нашему шалашу».

– Ну хватит, хватит! Хватит! – крикнула Максим. – Прекращайте стебаться! Выкидывайте уже его отсюда. Сколько можно, процесс затянулся!

И с новой силой набросились они.

Лишь Анита до сих пор молчала в сторонке, развела локти и пребывала в растерянности, на лице – то появлялась гневная маска, то отпускало и проявлялась жалость, то после внимательного осмотра ситуации, брезгливо отворачивалась, и, видно, собравшись с мыслями, наконец-то решилась на свою дозу гремучего яда – поддать в топку возникших обстоятельств.

Альберт подошёл к ней, едва не воткнул улыбку в глаза и отвёл в сторону, прошептал:

– Не спеши. Не сейчас. Твоё время не пришло.

– Так, а кого моржового хрена, этот... – возмущённый голосок Аниты замолчал под давлением указательного пальца Альберта на её губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5as>